

Масть

Автор:

Виталий Каплан

Масть

Виталий Маркович Каплан

Дозоры

Конец XVIII века, Россия. У ставшего Тёмным Иным гвардейского поручика Андрея Полинского не задалась служба в Дневном Дозоре Санкт-Петербурга, и он переводится в Тверь. Казалось бы – сонная провинция, но ведь известно, что в тихой воде... Юноша не сразу осознает, что новый начальник использует его в качестве пешки в тонкой игре, причем пешки, способной превратиться в совершенно неожиданную фигуру.

Виталий Каплан

Масть

© С. Лукьяненко, 2013

© В. Каплан, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

История 1

Чёрный слон

Пролог

Всего лишь ночная комната.

Снизу – пуховая перина, сверху давит одеяло – кусачее, из верблюжьей шерсти, неотменимое, как правила арифметики. Душно – это всегда, а запахи – раз на раз не приходится: дёготь, коим смазаны сапоги, ржавое железо, конский пот, подгорелая пшённая каша, розы, мокрое дерево, речная тина. Звуки вблизи одни и те же – легонько трещат половицы, шебуршит под кроватью мышь, едва слышно спускается по стене таракан. А дальние звуки бывают всякими. Иногда ссорятся за окном вороны, иногда воют волки, а то и соловей выводит свои рулады... или уныло стрекочут кузнечики... Но может и буря колотиться в закрытые ставни, и ливень хлестать по крыше, и двуручная пила визжать... и кому только приспичило пилить дрова за полночь?

Но звуки – ещё ладно, гораздо хуже – свеча. Та всегда одинакова: оплывший огарок на закапанном воском подсвечнике, и горит огонёк. Не дрожит, не шевелится – а застыл, будто изображён на полотне живописца. Живописец наверняка безумен – кто ж ещё напишет свечу, которая нисколько не прогоняет тьму? Ничего она не освещает, кроме разве что подсвечника. Пламя – высокое, белое, но яркости в нём никакой. И ещё что-то меняется в этом пламени – кажется, медленно-медленно оно гаснет, но никогда ещё не угасало до конца.

Кто зажжёт эту свечу? Почему я не в силах отвести от неё взор – и столь же не в силах подняться, задуть её? Почему веет от белого огонька не жутью даже, а скукой, точно от мелкого, упорного дождика? Такие бывают в марте, когда небо неделями кутается в одеяло туч. Почему я знаю, что свеча эта – знак для меня, но не знаю, кем и зачем оставлен. А главное – в чём смысл его?

Вопросы, вопросы... толкутся в мозгу, точно головастики в луже, столь же бессмысленные. Всегда одни и те же вопросы, и всегда нет на них ответов. Что же есть? Залитая тьмою комната, верблюжье одеяло и свеча, не дающая света.

А потом просыпаешься, крутишь головой, хлопаешь глазами... нет никакой такой свечи, и быть её не может, потому что сон. И уж точно не к добру.

Впрочем, и не к худу.

Глава 1

Сверху сыпало – ранний ли то был дождь, поздний ли снег... в любом случае март заканчивался мрачно. Да и вообще картина, если глянуть по-людски, выходила в нужной степени печальной. В трёх шагах от разрытой могилы толпится публика, на лафете водружён гроб – морёный дуб, позолоченные кисти, изысканная резьба. Жалко. Такую красоту – и кому? Земляным червям! И ста лет не пройдёт, как сырость одержит верх над крепостью древесины.

Толпа, разумеется, скорбела, некоторые, судя по цвету, вполне искренне. Особенно убивалась дядюшкина экономка Степанида. Прямо изжелтелась вся. Дай ей волю, начала бы выть и рыдать, как принято это в деревнях. Но волю ей, конечно, не дали: нашлись разумные люди, шепнули: похороны действительного статского советника – это дело серьёзное, не терпящее бабьих воплей. Не сапожника погребаем, не приказчика из скобяной лавки и даже не купца второй гильдии. Тут покойник, можно сказать, государственный, всё должно пройти чинно и благородно.

Благородной публики хватало с избытком. Губернатор Николай Петрович, правда, не соизволил почтить, прислал вместо себя огромный венок, обвитый траурной лентой с надписью «Верному слуге государеву». Зато и городской голова Пуговкин тут был, и предводитель дворянства Коняев, и директор четырехклассного училища Полуэктов... не говоря уже о рыбёшках помельче. Ну и дамы, само собой. Разве могут порядочные дамы пропустить такое событие? Месяц ведь потом в гостиных обсуждать станут, кто во что был одет, да кто как на кого посмотрел, да как соборный протоиерей отец Георгий отпевал покойного... Понятное дело, скучна жизнь в городе Твери. Тверь, она, согласно пословице, в Москву дверь (а уж тем более в Петербург), да только в дверях надолго не задерживаются, шмыгают кто туда, а кто оттуда.

Отец Георгий расстарался. Самые большие свечи, самые голосистые диаконы... и обряд провёл неопустительно. После же отпевания обратился со словом к народу, отметил высокие добродетели покойного, выразил упование, что уготованы тому приличествующие его рангу райские обители...

Ну, ещё бы отцу Георгию не стараться! Сколько пожертвований на храм было от Януария Аполлоновича! И мало того – примерный прихожанин, исправно говел, службу церковную знал точно таблицу умножения. Когда возносил своё скорбное слово отец Георгий, многие – преимущественно дамы – даже и прослезились.

А мне стоило некоторого труда сдержать улыбку.

Зато дядя Яник не сдерживался. Не хохотал в голос – такого вообще за ним не водилось, но язвительно хихикал, и щёки его при этом мелко тряслись. А чего ему стесняться – всё равно же никто, кому не надо, не увидит.

...Капля, холодная и мерзкая, ткнула меня прямо по носу. До чего же надоела мне эта мартовская хмарь, эти обложившие небо тучи, эта вечная грязь на сапогах. Тимошка вычистит, конечно, но не в том же дело! Настоящей весны хочется! С травами! С одуванчиками! Да, я из тех, кто желает странного. Узнали бы наши, столичные, – уж точно поиздевались бы.

Меж тем церемония шла полным ходом. Распорядитель похорон, похожий на бледную поганку Иван Савельич, давал слово желающим высказаться – в очерёдности согласно чину. Желающие имелись. Причём некоторые – и впрямь от чистоты сердца. Вот казалось бы, должность у дядюшки такова, что иной сочтёт за благо держаться от него подальше... а вот поди ж ты, уважают и скорбят. Ну и разумеется, размышляют, кого из Петербурга пришлют на место почившего статского советника Стрыкина. Их можно понять – не всё ведь равно, кто вскоре возглавит здешнюю контору Тайной экспедиции. Уж такая у нас Контора, от которой благородное общество желает на пушечный выстрел быть... а меж тем Контора к ним куда ближе, ибо в мозгах у каждого сидит... оттого и языки те, кто поумнее, придерживает.

Я с тоской взглянул на гроб. Там, под лакированной крышкой, на тёмно-синем бархате разместился высокий сухой старик. Насмешливые серые глаза закрыты, руки сложены крестообразно на груди. Честных правил покойник.

Ну что, племянничек, утомился? – шепнул мне в левое ухо дядя Яник. Обращиваться я не стал, в Сумраке всё и так видно. Там же не глазами смотришь... вернее, не телесными глазами. Кстати, далеко не сразу научился я глядеть в Сумрак, не ныряя туда. Первый мой наставник, Александр Кузьмич, измучился со мной, непонятливым.

А что делать, дядюшка, что делать? Не нарушать же приличия? – отозвался я, не разжимая губ. Мои несказанные слова и без того влились в его уши. Заклятье «Тихой Связи» – одно из простейших, но и вместе с тем наиважнейших.

Ни в коем случае не нарушать! – кивнул дядя Яник. Тут, на первом слое Сумрака, он почти не изменился по сравнению с собою настоящим. Не тем тощим высохшим старцем, которого видели люди... и уж подавно не тем кадавром, что сейчас замещал его в гробу. Крепкий поджарый мужчина чуть старше сорока, в тёмных волосах местами проглядывает седина, тонкие губы кривятся в привычной усмешке, на левой щеке белый зигзаг шрама – зацепило саблей давным-давно, в елизаветинские ещё времена. Вывести – минутное дело, магии на грош, но дядюшка, видимо, полагает, будто шрам ему к лицу.

Таким дядю Яника видим только мы, Иные. Для людей приходится накладывать личину, которую ещё время от времени и подновлять надо. В самом деле, нельзя же в восемьдесят восемь лет выглядеть на сорок? Пойдут совсем ненужные разговоры.

Ни в коем случае не нарушать! – повторил дядя Яник, сидя в любимом своём кресле, обитом чёрным бархатом. Ведь протащил же как-то в Сумрак... или сотворил тут подобие. – Помни, сотни глаз на тебя смотрят. Большей частью с завистью. Ещё бы, единственный наследничек. Небось подсчитывают, сколько ты по завещанию получишь и как таким безумным капиталом распорядишься. Ну, тут мы им дадим возможность всласть почесать языки. Не забыл, надеюсь, как в руках карты держать?

Ещё бы мне такое забыть! Уже более полутора лет видеть их не могу. То есть наяву стараюсь не видеть, а вот над снами своими, как выяснилось, я не властен. Это ж мне только в первые дни после посвящения думалось, что маги могут всё. «С людьми – да, почти всё, – разрушил мои тогдашние мечты Александр Кузьмич, – а вот над собою... раны, скажем, залечить пара пустяков, но снами своими распоряжаться мы не можем».

Когда, дядюшка, собираешься явить себя людскому обществу? – поинтересовался я, хотя и без того знал – через неделю приедет в Тверь новый начальник конторы, назначенный сюда из Петербурга самим Степаном Ивановичем Шешковским, коего вся Россия трепещет.

Граф Сухоруков Иван Саввич, как это тебе великолепно известно, пожалует в Тверь к празднику Благовещения, – скривил тонкие губы дядя. – Та к что неделя у тебя есть, гуляй... в пределах разумного. Всё ж таки траур, кутить по-настоящему не след.

Не жалко с именем, данным при крещении, расставаться? – не удержался я от вопроса.

Так то ж для людей, племянничек, то всего лишь для людей... – хмыкнул дядюшка. – Вот погоди, лет через двадцать и тебе придётся сию штуку проделывать. Мне-то даже лучше, я посвящение в сорок лет прошёл, а на сорок можно долго выглядеть, такой уж это возраст, воистину средний. Тебе же, двадцатипятилетнему, мужать надлежит... лет через десять люди обратят внимание, как моложав этот офицер, одолевший середину четвёртого десятка... через пятнадцать они начнут задумываться, через двадцать – пойдут нехорошие шепотки. Придётся личину цеплять, но вечно же это делать нельзя. Как в Священном Писании сказано: «лет наших семьдесят, а кто телом крепок, то восемьдесят...» Так что время от времени умирать нам следует. Это всё равно как в баню ходить, только реже.

Ничего нового он не сказал, всё это мы давно уже обсуждали и вдоль, и поперёк. Но возраст есть возраст даже у Иного – дядюшка (которому я хоть и приходился племянником, но внучатым) любил поговорить, и притом частенько повторялся. Или притворялся... С него станется.

Глава 2

То, что оказался я в тверском Дневном Дозоре, под начальством дядюшки, – это, можно сказать, подарок судьбы. В судьбу, конечно, верить не следует, однако ж её дарами пренебрегать не стоит. Особенно когда она не слишком щедра.

В Петербурге у меня не заладилось со Святков. Можно сказать, всё началось с пустяка.

Вечер тот был вьюжный, глухой. Секло по щекам сухим снегом, брехали где-то псы, тускло светились окошки. Добрые горожане попрятались по домам (а стало быть, на улице оставались только злые – так должно получаться по логике, которую преподавали нам в кадетском корпусе). Для развлечения посматривал я на их цвета – и логика посрамлялась. Над одними сияла жёлтая тревога, другие выпускали голубое веселье, третьи горели зелёной любовью... были, конечно, и бордовая злость, и фиолетовый страх... но большей частью серо-коричневое, в тон низкому небу, спокойствие. Больше всего мне сейчас хотелось лежать у себя в квартире на софе, потягивать горячий пунш и ни о чём не думать. Ночь ведь! Считается, что раз мы Дневной Дозор, то и работать должны днём. Ага, как же! У Харальда дежурства расписаны на все двадцать четыре часа суток.

– Слушай, – дёрнул меня за рукав Викентий, – может, ты один сходишь? Работёнка-то пустяковая, тут и четвёртого ранга хватит, а ты уж до третьего дорос. Надо же, всего год прошёл! Помнишь, каким сразу после посвящения был? Сопляк сопляком, шестой ранг... а надо же, как рванул. Никто из наших и думать не думал... Скоро вообще правой рукой Харальда будешь... не то что я, выше третьего мне, похоже, не потянуть. В общем, я к тому, что превосходно и без меня справишься... а за то в другой раз за тебя отдежурю.

– А если Харальд сейчас за нами подглядывает? – Струйка пара от моего дыхания потянулась к рябому лицу Викентия. – Может, катает особое яблочко по особому блюдечку, да посмеивается?

– Он Великий, – не понял моей иронии напарник, – ему артефакты без надобности, на чистой силе работает... Только вот нечего ему, великому магу, делать, кроме как за нами, мелкими зверушками, следить. Подумаешь, очередной дикий Светлый завёлся... в Петербурге таких случаев за год полсотни. Вот если бы Тёмный, то дело другое, тут прибрать к рукам следует, пользу просчитать... На дикого Тёмного он или сам бы вышел, или кого-нибудь первого ранга отрядил, вот ту же Марфу Семёновну, к примеру. Чтобы опередить Светлых. А тут – мелочишка. Главное, с запасом оцени расход магии, чтобы Харальд потом Светлым счётец предъявил...

– Да что у тебя такое, из-за чего урочным своим дежурством манкируешь? – недоверчиво осведомился я. Не то чтобы так уж мечталось мне о компании

тощего рябого Викентия, болтливого, как попадья, и скучного, как банный веник. Он прав, дело мне и одному по плечу, но царапнуло что-то... предчувствие, должно быть? Я даже на свою линию вероятности посмотрел, но в ближайшие часы всё с ней было в порядке, а на больший срок я пока заглядывать не умел.

– Да есть тут одна бабёнка, – признался Викентий, – купчиха, вдова, тридцать два года... объёмистая такая, ядрёная, в моём вкусе. На блины сегодня звала... ну, сам понимаешь, сперва блины, потом амуры... потом опять блины...

Тут я сразу успокоился. Викентий у нас известный ходок по женскому полу, да и, прямо сказать, не он один. Раз уж ты Тёмный, то берёшь от жизни всё... в разумных пределах, как сказал бы мудрый Александр Кузьмич.

– Что ж, ступай по свои блины, – осчастливил я Викентия, – да не забудь: за тобой должок. Взыщу непременно.

Так вот и вышло, что разбираться со Светлым целителем отправился я в одиночку.

...Человек бы, конечно, заблудился в этих тёмных пустых переулочках, где уже и фонари не горят, – здесь Невским проспектом и не пахнет, здесь места дикие, простонародье обитает. Хорошо ещё зима, всякую дрянь под ногами подморозило и занесло снегом... И как тут найти нужный дом – во мраке, в метели, в безлюдье?

Но мы – Иные, нам советы прохожих ни к чему, мы умеем вызывать перед внутренним взором карту местности, где зелёным огоньком поблескивает цель. Тут и силы-то самую капельку тратишь. А уж почуять на сравнительно близком расстоянии нужного тебе Иного... особенно слабого... особенно если он и понятия не имеет, как закрываться... тут вообще как с Дворцовой площади до Адмиралтейства дойти.

...Дикий Иной оказался дикой Иной. Вот же подлец Харальд, мог бы и сказать. Правда, зачем? Не на свидание же с пылкой красавицей он нас с Викентием отправлял. Мужик ли, баба ли – без разницы. Обездвижить «укусом кобры», заклинить магию «соляным столпом», допросить наскоро – а потом вызвать дежурного из Ночного Дозора, составить протокол... Не в первый раз пирог жуём.

Квартировала она в доме сапожника Ивашки Метёлкина, снимала даже не комнатку, а всего лишь угол, отделённый простынёй-занавеской. В этой же комнате располагались трое метёлкинских детишек, а сам Ивашка с женой Авдотьей размещались за стенкой, в каморке поменьше. Известное дело – сапожники в хоромах не живут, особенно такие горькие пьяницы, как Ивашка. Без копейки от квартирантки худо бы семье пришлось.

Всё это я узнал чуть позже, а пока возле ворот метёлкинского домишки нырнул в Сумрак. Ох, и заросло же всё тут синим мхом! Знать, бушуют страсти, льются слёзы.

Не выходя из Сумрака, я оглядел комнату. Здесь, на первом слое, мир не так уж отличается от обычного, разве что цветов и звуков нет, ну и мох, само собой, плодится. Комнатушка шесть шагов в длину, четыре в ширину. Трое мелких ребятшек дрыхнут на постели... то есть на рваном тулупе, устилающем некрашенные половицы. Часть комнаты отделена занавесочкой, неожиданно чистой. И светится там нечто, за ветхой простынёй. Во-первых, свеча. Во-вторых – цветок души, как сказал бы Александр Кузьмич. Не любил он слово «аура», которое с недавних пор вошло в наш Иной обиход. «Меньше с французами знаться следует, – ворчал он. – Мы ж русские Иные, у нас свой язык есть, ничуть не хуже! А то пошло поветрие низкопоклонствовать перед Европой! Добром не кончится!»

До своего посвящения Александр Кузьмич был поваром у графа Беклемишева, большого любителя французской кухни.

Я вышел из Сумрака, раскинул, как и положено в таких случаях, Круг Невнимания, и, отогнув край простыни, шагнул к нарушительнице спокойствия.

Нет, не была она пылкой красавицей, чернокудрой и волоокой. Белокурой и румяной красавицей она тоже не была. Разве что пару десятков лет назад.

Но красавица меня не особо удивила бы. Мало ли повидал я их, особенно за последний год, пользуясь всеми преимуществами Иного? А вот эта... Остолбенел я, прямо сказать, и пару секунд стоял не дыша.

Потому что обернувшись в тревоге женщина как две капли воды походила на мою несчастную матушку, Пелагею Алексеевну. Тот же обвод лица, тот же нос, те же скулы... а главное, те же глаза – голубовато-серые, запавшие, и так же разбегаются от них тонкие лучики-морщинки. Я сперва даже решил, что дикая Иная морок набросила, но потом как следует посмотрел на неё сквозь Сумрак и выкинул эту мысль. Нет, чар не ощущалось, да и сила её тянула хорошо если ранг на шестой... Не способна такая заморочить меня, тёмного мага третьего ранга!

– Ну, здравствуй, Марья Глебовна! – Мне наконец удалось преодолеть оцепенение, и я считал с цветка её имя. – Визжать не надо, не душегуб, резать не стану и тряпок твоих не отниму, – кивком головы указал я на шитьё в её руках. – Просто поговорить пришёл.

– Кто ты? – Голос у неё не столь походил на матушкин, как лицо, пониже тоном. – Что тебе до меня?

И немедленно осенила себя крестным знамением.

– Не поможет, – посочувствовал я. – Не растаю яко воск от лица огня. Я ж тебе не какой-нибудь там бес... да и неприлично: Иная, а в сказки веришь. Ладно, представляюсь по артикулу – Андрей Галактионович Полынский, Тёмный Иной третьего ранга, Дневной Дозор Санкт-Петербурга. Что непонятно?

Похоже, непонятно ей было всё.

– Что ж, значит, разговор долгий пойдёт, – уселся я на её кровать. – Всё придётся по порядку, все азы... Насчёт них, – указал я подбородком за занавеску, – не беспокойся. Спать будут крепко. И сапожник с женою тоже. Итак, Марья Глебовна, есть мир. В нём есть люди... и Иные... Я Иной. И ты – тоже.

Долго я ей всё разъяснял, за полночь. Робкие её попытки изумляться и возмущаться пресекал на корню. А как закончил, обессиленно отвалился к стене. В походах, когда три дня с коня не слезаешь, и то не уставал так... удружил же мне Харальд учить тупую неграмотную бабу!

– А как же Бог? – тихо спросила она, едва я позволил ей говорить. – Разве допустит Он такое? Разве в святых книгах сказано, что Он создал Иных?

Ох, много мы это с Александром Кузьмичом в своё время обсуждали.

– Не знаю того! – только и ответил я. – Он мне о Своих замыслах не докладывает. И есть ли Он там, – задрал я подбородок к низкому потолку, по которому как раз бежал сейчас таракан, – нет ли Его, то не нашего ума дела. Да не разевай ты рот, мы, и Тёмные, и Светлые, против Церкви и слова не скажем, и кресты на нас есть, – предъявил я ей свой серебряный крестик. – И тебе в Него верить никто запретить не может. Но ты – Иная, такова уж судьба твоя. А случай твой редкий, когда человек с задатками Иного сам в Сумрак ныряет, без помощи. А из Сумрака уже выходит Иным, Тёмным или Светлым, сообразно тому, что в тот миг на сердце у него было. Стала ты Светлой, только дикой. О Великом Договоре ничего не знаешь, о Дозорах без понятия... вот и наворотила делов. А теперь ведь отвечать придётся!

– Да что я такого наворотила-то? – с горьким укором спросила Марья Глебовна. – Что дитё больное на ноги подняла? Это разве грех? Четыре годика Митюшке, ему жить да жить, а лихорадкой скрутило. Авдотья, дурища, не уследила, выскользнул на двор, по сугробам скакать удумал. Ну и слёг, а потом и горло у него обметало... Ну и скрутило меня от жалости... свой же был такой, помер уже двадцатый год как... если бы мне тогда знать... а тут вот сама не своя стала, глянула на тень свою, и вот прямо потянуло меня к ней, и шагнула я неведомо куда...

Вот же глупая баба! Объяснял ведь ей, объяснял!

– Несанкционированное магическое воздействие шестого уровня, – поджал я губы, – направленное на человека. Между прочим, даёт право нам, Тёмным, на равное по силе колдовство. Болезнь на человека или на скотину наслать, глаза отвести, страху напустить.

Вообще-то, если задуматься, тут даже не шестой уровень! Как-никак, от смерти ребёнка спасла. Вопрос лишь в том, а впрямь ли Митюшкина лихорадка была неизлечимой. Может, и сам бы на ноги встал, если травками всякими поить... среди обычных людей встречаются такие искусные травницы, что и некоторым ведьмам нос утрут. А тут, возможно, всё колебалось, на волоске висело, и лёгонькая магия Марьи Глебовны оказалась той соломинкой, что ломает спину верблюду. Верблюдом будем считать смерть.

В интересах дела, конечно, записать на неё уровень третий... а лучше второй... Светлые не отбрехаются: как сейчас проверишь, что с ребёнком и в самом деле стряслось? Две недели уж прошло.

– И что ж теперь будет? – расстроилась она. – Неужто на Митюшку обратно лихорадку напустят?

– Это вряд ли, – утешил я её. – Вероятность мала. На кого-нибудь другого, скорее. Или не лихорадку... В общем, дала ты, тётка, маху. Впредь не глупи, думай о последствиях. А насчёт того, что с тобой будет... Тут по-разному можно поступить. Например, вызвать сейчас сюда ребятушек из Ночного Дозора, описать им твои подвиги... Сами, кстати, виноваты, проглядели тебя, непосвящённую Иную. Пусть забирают, регистрируют, учат. Ну и бумагу составим, конечно, насчёт твоей провинности. Магическое воздействие... и не шестого уровня, кстати, а пожалуй, и первого! Ведь у смерти на дороге встала, не блины-оладьи... Значит, и мы, Тёмные, тоже получаем такое же право. Ты жизнь человечку спасла, а мы, пожалуй, отнимем. Упырей же кормить надо, оборотней. Хоть и сукины они сыны, низшие, а всё ж таки наши...

Я перевёл дыхание. Глянул на пригорюнившуюся Марью Глебовну. И вновь пронзило меня: сколь похожа она на матушку! Не одним только лицом – а всей повадкой. Матушка, конечно, благородного происхождения, а тут – обычная мещанка, но что нам, Иным, человеческие сословные деления? И что нам, Иным, человеческие чувства? Особенно Тёмным. Пусть Светлые опутывают себя тенетами морали, изводятся от чувства вины, что мир неидеален... мы-то умнее, мы знаем, что жизнь нужно принимать такой, какова она есть. Без розовых слюней.

В тишине слышно было шебуршание тараканьих лапок.

– А можно и по-другому, – нарушил я молчание. – Тут ведь кто виноват? Светлые. Проглядели человека с задатками Светлого Иного. Светлый Иной сам собою посвятился... Умысла на нарушение Договора не было. Магическое воздействие не могло по своей силе превысить нынешний ранг. Значит, шестой уровень, можно сказать, мелочишка. За такую мелочишку собачиться с Ночным Дозором – себя не уважать. Знавал я как-то одного помещика, скупого до безумия. Веришь ли, верёвочки с земли подбирал и в мешочек складывал, а на мешочке велел вышить: «Верёвочки негодные». И все соседи над ним потешались! Поэтому сделаем так. Я, сотрудник Дневного Дозора Санкт-Петербурга, получил сведения

о незарегистрированном Ином, совершившем мелкое магическое воздействие без умысла нарушить Договор. Убедившись на месте, что дело обстоит именно таким образом, я своею властью дозорного ставлю Иному регистрационную метку и повелеваю завтра же явиться в присутствие Ночного Дозора Санкт-Петербурга и встать на их внутренний учёт. Ну что выбираешь?

Тут я, конечно, малость переборщил. Не упыриха же она и не оборотень, можно было и без метки обойтись, а сделать ей обычную регистрационную запись в цветок... но очень уж хотелось показать ей, насколько всё серьёзно.

Что она выбрала, даже и безмозглому понятно.

– Только имей в виду, ставить метку – это немножко больно, – предупредил я. – Таково уж свойство этой магии.

– Испугал ежа... – проворчала она, заметно успокоившись. – Муж вон покойник уж учил так учил, и вожжами, и поленом. Ничего, терпела. И метку твою стерплю. Лишь бы на ребятёнка хворь не возвернули...

...Ну вот зачем я это сделал? Из жалости? Что я, Светлый? И плевать, что лицом на матушку похожа! Вообще всю ту, до-Иную жизнь, по-хорошему, забыть бы следовало.

И ведь в голову мне тогда не приходило, какие последствия возымеет этот в общем-то пустячный случай.

Глава 3

Играли у полковника Веемахера. Общество собралось самое изысканное – похожий на дубовую бочку полицмейстер Егор Фомич, старенький граф Николай Гаврилович, безвылазно проживающий в Твери уже чуть ли не полвека, двое заезжих помещиков, чьи имения располагались верстах в тридцати от города, – Сорокин и Гутников, оба жилистые, остролицые, весьма напоминающие борзых. Между прочим, друг друга на дух не переносят, и тяжба у них насчёт заливного луга.

И все – болтливы до крайности. То, что надо.

Седьмым, разумеется, был новый начальник Конторы, граф Иван Саввич Сухоруков, позавчера изволивший прибыть из столицы. Ростом выше среднего, одет по столичной моде, но не сказать, чтобы совсем уж щегольски, завитые кудри парика заканчиваются косицей чуть ниже лопаток. Пальцы длинные, тонкие, чуть постукивают по столешнице красного дерева. Губы кривятся в лёгкой улыбке, серые глаза смотрят с усталой доброжелательностью, а на левой щеке белым зигзагом змеится шрам, память о прусской сабле.

– Ну что, господа, начинаем? – предложил полковник Иоганн Карлович. – Дань мальвазии можно отдать и после.

Был он абсолютно прав. Игра – дело серьёзное, с вином несовместимое, особенно когда не на копеечки. И ведь всегда же я об этом знал, а вот позапрошлым летом... Не хотелось мне открывать сию дверцу в памяти. Конечно, я запросто мог поставить заклятье – и дверцы бы не стало. Мог – но не хотел. Из глупого ли упрямства, из гордости ли, поди разбери.

Дворовый человек полковника, молодой лакей Филька, по кивку своего господина принёс нераспечатанную колоду карт, надорвал бумажку, ловко перетасовал. Уж не шулера ли вырастил из него Иоганн Карлович? Узнать несложно. Я слегка прищурился, глядя на Фильку сквозь Сумрак. Нет, не читалось в цветке его души ничего такого. Мутноватый, конечно, цветочек – приворовывает лакей по мелочи, кухонную девку Палашку за все места щупает... ну и нам, в Контору, на барина своего ежемесячно докладывает... но чтобы с картами жульничать – ни-ни!

Мы приступили к игре. Спешить было некуда, потому кто курил трубку, кто нюхал из серебряной табакерки добрый турецкий табак, кто всё же потягивал из высокого бокала вишнёвой окраски мальвазию. И болтали, конечно. Ещё бы, человек из столицы к нам в сонную Тверь, и не погостевать, а может, и навсегда, да ещё на такую суровую должность... Понятное дело, собравшиеся не сводили глаз со статского советника графа Сухорукова. Говорили охотно, но с осторожностью. Местные сплетни пересказывали, на погоду сетовали – не мне одному остобесили эти унылые дожди! – а вот столичными новостями интересовались с опаской.

Впрочем, Иван Саввич быстро сделался душою общества. Смеялся там, где нужно, а где следует – скорбно качал головой, когда надо – брюзгливо кривил тонкие губы... но главное – он испускал флюиды доброжелательства.

Самое забавное, дядюшка для этого магией не пользовался. Обычное человеческое искусство обхождения... всякий овладеет им за семьдесят лет службы, если не совсем уж дурак.

Начинай! – прошелестел он мне по Тихой Связи. – И побольше молодой наглой самоуверенности!

Мог бы и не напоминать, всё ж заранее расписано.

Вот чего я безвозвратно лишился, став Иным, – это удовольствия от игры. Какой там азарт, какой кураж, когда простейшее заклятье «бубновый глаз» позволяет тебе видеть карты противников, а почти столь же простой «зелёный шлем» сообщает обо всех их замыслах. А если воспользоваться чуть более хитрой, но всё равно несложной «властью советов», то и подтолкнёшь людей к нужным тебе ходам. Игра превращается в скучный арифметический пример, не требующий даже ума, а только лишь аккуратности. Конечно, можно ничем не пользоваться, играть по-человечески – но когда знаешь, что в любой момент, едва лишь фортуна от тебя отвернётся, ты можешь применить магию, теряется весь вкус.

Другое дело – игра между Иными, когда любое магическое воздействие мгновенно замечается всеми игроками. И вместо канделябров наказывают «молотым серпом». Правда, за без малого полтора года после посвящения не приходилось мне видеть, как Иные друг с другом играют ради удовольствия. С людьми – другое дело, но это же не развлечение, а работа.

Вот как сейчас.

Я поглядел «бубновым глазом» на имеющийся расклад. Так-так, Егору Фомичу внушаем выбросить даму, господину Гутникову лучше приберечь пикового валета, а мне – идти с треф.

О, как они завидовали! Фортуна мало сказать благоволила мне – а прямо-таки облизывала. Я, как и положено её баловню, развалился в кресле, отпуская

двусмысленные шуточки в адрес Николая Гавриловича, баловавшегося стихотворчеством. Увы, не Державин, не Сумароков и даже не Тредиаковский. Особо веселило меня такое:

В потёмках своих грёз блуждаючи, пииты

Надеются на муз, но их поймай поди ты!

Подобьем наглых мух бесплотные их дразнят,

Дабы подвергнуть дух мучительнейшей казни!

Впрочем, доставалось от меня и полицмейстеру, и хозяину дома Иоганну Карловичу, чей багровый, с синими прожилками нос жил на его лице своей особой жизнью и мог бы, кажется, сняться с насиженного места, отправиться в путешествие. И все бы принимали его за самого Иоганна Карловича.

Всеми этими глупостями делился я с обществом как бы между делом, потягивая мальвазию и щелчком пальцев подзывая Фильку, дабы наполнил бокал.

Карта ложилась мне в руки, выигрыш мой, записываемый мелом на чёрной грифельной доске, всё рос, и вместе с этой суммой росла зависть присутствующих. Ну в самом деле, как такое возможно? Мальчишка, выскочка, петербургский прыщ, вышедший преждевременно в отставку в звании поручика... всего лишь поручика... и на тебе: умирает порядком зажившийся на белом свете богатый дядюшка, и всё состояние достаётся ему, единственному, как выяснилось, наследнику. Три городских дома, два имения в Тверской губернии и одно в Новгородской, пятьсот душ крепостных и, говорят, немалый капитал – частью ассигнациями, а частью полновесными золотыми червонцами. Разве это справедливо? Уж лучше бы покойный Януарий Апполонович завещал всё состояние своё какому-нибудь монастырю... всё легче было бы стерпеть. Но куда там! Двадцатипятилетний сопляк, не имеющий и понятия об уважении к старшим, получил всё! Хотя, похоже, быстро спустит доставшееся. Третьего дня кутил в трактире Кулебякина, выбросил на ветер чуть ли не восемь червонцев, цыган нанимал с медведем... медведя поил водкой... кухонную девку Лизавету поставил к стенке и метал в неё ножи, хвалясь меткой рукой! Чудом лишь не зацепил! И что самое печальное, наглеца и одёрнуть-то боязно, поскольку покойный старик Януарий успел устроить внучатого племянника к себе в Экспедицию. Ты ему замечание, а он тебе дело об оскорблении величества... и поди кому чего докажи на дыбе!

Разумеется, долго так продолжаться не могло. Фортуна – дама переменчивая, и когда выигрыш мой дополз до тысячи, я замедлил своё везение. Сначала повезло полицмейстеру, потом Иоганну Карловичу... вредному Сорокину я помогать не стал, пускай остаётся в некотором проигрыше... сорока рублей довольно, я же не зверь. А вот графу Ивану Саввичу, который проиграл уже рублей пятьсот – не потрудившись даже принять огорчённый вид! – я постепенно наращивал удачу.

Спустя час я мягко вывел из игры всех, кроме графа Сухорукова. Борьба, за которой жадно следили пятеро (лакея Фильку не считаем), развернулась между нами двоими. Карты издевались надо мною, я – над ними, на чёрной доске в моей графе сумма всё уменьшалась, а я, как и положено азартному выскочке, ставил на кон куда больше, чем следовало бы.

Сперва лишился я новгородского имения – предполагалось, его менее жалко. Затем – обоих тверских. Далее дело коснулось дворовых людей в тверских моих домах... а после и самих домов... мне бы, дураку, остановиться, но я пёр напролом, вслух призывая упорхнувшую удачу. Может, было это недостаточно артистично, но для них сойдёт.

Пришёл черёд и ассигнациям, и золотым червонцам. Игра закончилась, когда осталось у меня из дядюшкиного наследства две с половиной тысячи ассигнациями. Как раз хватит, чтобы небольшой домик приобрести, ну и ещё кое-что. Всё, как договаривались.

Публика слишком удивилась бы, прояви я здравомыслие, останови игру. Потому на помощь мне пришёл граф Иван Саввич.

– Пожалуй, довольно, поручик. Этак вы, в запале, панталоны свои просадите, а как же, позвольте спросить, потом на службу государственную явитесь без оных? Так что давайте уж завершим, не дразните свою судьбу. Она такого обращения не любит и карает сурово... в чём вы сами сейчас изволили убедиться. Должен сказать, зря вы так налегали на вино... как в Писании сказано, «не упивайтесь вином, от него распутство». А бумаги на мой выигрыш оформим завтра, положенным чином, пригласим стряпчего. Надеюсь, поручик, вам не надо объяснять, что долг чести превышает долг по закону?

Для виду я покочевряжился, но потом молча кивнул и покинул гостеприимный дом полковника. Пешком покинул, ибо карету, лошадей и кучера Васятку я проиграл тоже. Так сказать, последний аккорд пиесы.

Вот ведь забавно получается. Мы – Иные, нам подвластны могучие силы, мы всех этих человечков могли бы испепелить, превратить в камни, заставить ползать у нас под ногами и лизать сапоги. А вот нельзя. «Нельзя жить в обществе и быть свободным от него», – внушал мне накануне дядя Яник. Законы надо соблюдать... во всяком случае, пока это необходимо. Вот как иначе, вернувшись на прежнюю свою должность под видом графа Сухорукова, мог он получить назад и нажитое честным трудом имущество? Варианты, конечно, были, но самый убедительный для людей – тот, что мы сейчас разыграли. Молодой внучатый племянник-повеса получает по завещанию всё дядюшкино состояние – и очень скоро проигрывает его в карты. Кому? Разумеется, новому главе тверской Тайной экспедиции, новому своему начальнику графу Ивану Саввичу. Не совсем уж догола проигрывается – пусть общество оценит благородство графа, не пожелавшего обобрать до нитки злополучного поручика. К которому, на радость публике, фортуна в конце концов повернулась задом. И который всё ж таки не до конца оказался испорчен – карточные долги платит, а ведь мог бы сослаться на давний указ государыни. Хоть и проказник, а благородный всё-таки юноша, дворянская кровь...

Между прочим, через месяц-другой, когда вся почтеннейшая публика Твери и окрестностей обсудит сие поучительное происшествие, когда во всех гостиных прозвучат многократные пересказы, когда все жёны, матушки, тётушки и бабушки обсосут новость как дворовые собаки брошенную кость – меня же и жалеть начнут. Таковы людишки – живёт в их сердцах то, что сами они почитают благородством, а на деле это жажда превосходства. Очень приятно будет им меня жалеть – проигравшегося в пух, почти нищего. С ними-то подобной беды не случилось, с ними-то всё в порядке... и жалея меня, они лишний раз сами собою восхитятся.

Это, впрочем, тоже объяснил мне дядюшка, тонкий знаток человеческой природы. А то бы я без него не догадался...

– Ну что, племянничек, – поинтересовался граф Иван Саввич, – в городе-то над тобой потешаются? Всего лишился, пав жертвой собственной дури да наглости! Кабы не милосердие нового начальника Конторы, остаться бы юному повесе без штанов. Кстати, а понимаешь, какая великая от сего польза?

– Чего уж не понять? – хмыкнул я, без разрешения плюхнувшись на обитый голубым бархатом стул. – Преклонение общества себе обеспечили, не потратив на то ни капли своей силы. Только зачем оно вам, дядюшка? Не наигрались в прошлой жизни?

Да, дядя Яник меня выручил из скверной истории, что правда, то правда. Но это не значит, что ему позволительно потешаться надо мною. Я того Харальду не позволил, не позволю и благодетелю. Возможно, дядюшка мне вольность рано или поздно припомнит, но вот такова моя натура.

– Остынь, – без улыбки произнёс тот. – Вернее, согрейся.

На столе передо мною тут же возникла чашка с чаем.

– Предпочёл бы давешнюю мальвазию, – сообщил я, прихлёбывая горячую, пахнущую лесными травами жидкость.

– Не время для винопитий, – парировал он. – Работа тебе скоро предстоит, и работа крайне для Дозора нашего важная. Потому, кстати, и человеческую репутацию твою следовало чуток подгадить. Нужно, чтобы окружающие считали тебя малым с лёгкой придурью, из гонора способным на глупые поступки. Это позволит тебе в некоторых обстоятельствах действовать раскованно и притом не привлекать ненужного людского внимания. А кроме того, неужто не понимаешь ты, от чего я тебя сим проигрышем избавил? Сам прикинь: молодой дворянин, служит в Тайной экспедиции, унаследовал несметное состояние... завидный жених, правда? Тучами вокруг тебя вились бы! Отбою не было бы от приглашений – то на бал, то на детский праздник. И никуда не денешься... ну разве что магию тратить, дабы отвязались. Да тут немереный расход будет! Одного, двух, ну, трёх заморочить несложно, а как на целый город заклятье наложить? А ещё ведь и подпитывать силой.

– Ну, спасибо, дядюшка! – вырвалось у меня. – Вот только жениться собрался... на какой-нибудь изящной... или, наоборот, страстной...

– Изящных и страстных и без женитьбы немудрено найти, – сухо изрёк дядя Яник. – И кажется мне, очень скоро отыщешь. Так что под венец я бы тебе пока не советовал...

– Давайте ближе к делу, дядюшка, – заметил я сухо. – Вы, кажется, что-то поручить мне хотели?

– А куда нам торопиться? – скривил он тонкие губы. – Ты домик-то купил уже у купчихи Зыряновой?

– Вчера, – кивнул я. – Весь день на то угробил. Никогда не думал, что в губернском присутствии столько бумаг заполнять придётся.

– Хорошо, – усмехнулся дядя Яник. – Маленький, в три комнатки, домик близ Горской слободы... яблоневый сад при нём, огородик, баня, конюшня, дровяной сарай, погреб... неплохое хозяйство, требующее рук. А рук у тебя только одна пара, да и то – пьяницы Тимошки.

– Ну, не такой уж он и пропойца, – вступился я за своего лакея, кучера и камердинера в одном лице. – Как поклялся Великим Постом завязать с вином, так и держится до сих пор.

О том, что держится он благодаря лёгкому заклятью «трезвый кучер», я упоминать не стал. А то дядюшка не догадывается!

– Значит, пускай сорвётся, – распорядился граф Иван Саввич. – Пускай основательно так сорвётся, чтобы все видели. После чего посеки его и отправь назад в Чернополье.

– Зачем? – удивился я.

Правду сказать, особо меня сей приказ не расстроил. Тимошка, чьи годы подбирались к полусотне, плут редкостный. Причём ленив он столь же, сколь и хитёр, и потому на всякую свою оплошность подыскивает железное оправдание. Если бы только было можно, я давно бы уже избавился от него. Рук у меня, что ли, нет? В полку я, что ли, не служил? Печь не растоплю? За лошадьми не поухаживаю? Мундир свой не вычищу?

Но неприлично такое дворянину. Сразу пойдут шепотки да кривотолки... как это поначалу было в полку, и пришлось выписать из деревни человека. Видать, подлец управляющий сплавил мне то, что в хозяйстве и даром не надо.

Впрочем, будь на месте Тимошки кто порасторопнее, мне бы от того тоже особой радости не случилось. Крепостных предпочитаю держать от себя на приличном расстоянии.

– А затем, – наставительно произнёс дядя Яник, – что место твоего лакея должно освободиться. И занять его должен кое-кто иной. Да, именно это слово. Теперь слушай и не перебивай, вопросы после. Суть вещей, племянничек, такова, что слабоват стал наш тверской Дневной Дозор. Ночные нас уже полгода как по всем статьям обходят. Высших магов только я, первого ранга – Егорыч и Онуфрий, второго – Лука Панкратыч, третьего, тебя считая, пятеро... ну и мелкая всякая шушера, низшая. Сам понимаешь, от упырей да оборотней больше хлопот, нежели пользы. Между тем как у Светлых явный перевес. Одна только графиня Яблонская чего стоит, а ещё трое в первом ранге, пятеро во втором! И арсенал у них помощнее нашего будет. Но всё бы ничего, кабы времена стояли мирные да безмятежные. Однако предстоят нам, похоже, великие потрясения...

– Это вы, дядюшка, про войну с турками? – несмотря на запрет, вставил я. Вновь из духа противоречия.

– Нет, хуже, – потёр он свой шрам. – Что нам, Иным, человеческие войны? Главное, по дурости башку не подставлять, куда не надо. Но тут другое... и пока тебе знать не следует. Не кипятись, так надо. Чем меньше будешь знать, тем лучше сыграешь свою роль...

Я набрал воздух, намереваясь задать очередной вопрос, и выдохнул. Холодком каким-то повеяло, и напрочь пропало желание язвить. И ведь не магия то была с его стороны, магию бы я почуял. Нет, здесь не Иное. Здесь другое.

– Продолжаю, Андрей, – теперь в дядюшкином голосе слышалось даже что-то тёплое. – Нам надо выправить равновесие... но тут тоже всё не так просто. Взять на службу в Дозор сильных Иных – этого мало. Нужно ещё, чтобы служили они не за страх, а за совесть... у вас там, в столице, небось и слово-то это, «совесть», постыдным считается? Как же, как же... совесть это у дурачков Светлых, а мы, Тёмные, свободны от всяческих химер разума... Между тем глупо это, если

каждый только сам за себя и только о своей пользе помышляет. Потому что подчас своей пользы иначе и невозможно достичь, кроме как через достижение пользы общей... То есть всех Тёмных. А стало быть, нам не просто новые сотрудники нужны, а такие, чтобы преданны были. Сам понимаешь, не на всех наших рассчитывать можно, если жареным запахнет, если жизнью рисковать придётся. Тот же Егорыч непременно свалит в сторону... и найдёт кучу оправданий, а Лука намеренно глупить станет, лишь бы его в покое оставили... Что ни говори, а у Ночного тут порядка больше, их служение Свету в железном кулаке держит.

– Так что делать-то надо? – всё же перебил я его. Уже не из духа противоречия, а просто видел: увлёкся старик, сейчас три часа болтать будет... причём эти оды порядку у Светлых я уже не в первый раз от него слышу.

– Есть тут у нас в Твери парнишка один с задатками Иного, – чётко, по-деловому заговорил дядя Яник. – Тебе надо будет его приобщить, сделать Тёмным. Но это даже не полдела, а едва ли четверть. Надо, чтобы он тебе предан был, чтобы за тебя мог и в огонь, и в воду. Приручи его, привяжи к себе. Но и это не самое сложное. Нам же с тобой его следует Тёмным сделать. Он же в Сумрак должен войти в нужном состоянии духа. Выйти Тёмным – и сохранить тебе верность. Ну а через тебя – и мне, получается. А как это сделать, решать тебе. Трудное задание. Можно сказать, творческое. Но я почему-то верю, что справишься. Причём времени у тебя не слишком много, к Троице, не позднее, он уже нужен нам в Дозоре. Пока обучим как следует, может уже и начаться то, чего я опасаюсь. Это тебе, Андрюша, не светлых целительниц ловить, это задача для настоящего Тёмного. Тут ведь не столько магия нужна будет, сколько сообразительность.

– Да что же это за такой человек, настолько нашему Дозору нужный? – усмехнулся я. – Он может стать Великим Иным?

– Великим ли, не знаю, – задумчиво протянул дядюшка, – но помимо силы у каждого из нас есть своя сноровка... свой особый навык. А здесь навык таков, что ой как может пригодиться. Ты, впрочем, пока этого не разглядишь... лет через пятьдесят уже сумеешь. Ну, какие наши годы! Ладно, пошли!

– Куда, дядюшка? Мальвазию пить? – не удержался я от дерзости. В конце концов, раз уж назначено мне быть в глазах общества наглым юнцом, так почему бы не поупражняться?

– Покажу тебе этого отрока, – ничуть не обидевшись, пояснил дядя Яник. – Заодно и поймёшь, насколько дело-то непросто.

Глава 5

Конечно, мы не пешком отправились, да и закладывать карету дядюшка не стал. Оказалось, у него давно уж провешены Врата по всему городу – куда может случиться надобность. Кстати, как и Александру Кузьмичу, не нравилось ему слово «портал», хотя в Петербурге почти все наши так и говорили, на европейский манер. Но старикам привычнее родное, от осин и берёз, – Врата вместо портала, посвящение вместо инициации, цветок души вместо ауры. Грудью они готовы встать за исконный наш язык.

Сам я, кстати, провешивать Врата пока не умею. Хитрое это искусство, в своё время объяснил мне Александр Кузьмич. Не только сила тут нужна, но и тончайшее чутьё. Прямо как игра на скрипке. Сдвинет скрипач палец на ноготок – и пожалуйста, фальшивая нота. С Вратами та же история: чуть ошибёшься в сплетении кольцевых потоков силы – и промахнулся на несколько саженей в точке выхода. Например, окажешься в выгребной яме, а то и под земной толщей или в воздухе, на высоте колокольни. Летать-то не всякий Иной способен.

Но сейчас бояться было нечего, сейчас работало дядюшкино умение, а мастер он изрядный. Пожалуй, не хуже Харальда. Его Врата даже настраивались по скорости движения. Если надо, путь займёт мгновение ока, если надо – часы. Всё равно ведь время это внутреннее, а выйдешь в ту же секунду, что и войдёшь.

Дядюшка выбрался из-за стола, начертил пальцем в воздухе овал, и тотчас разверзлось перед нами чёрное, в полтора человеческих роста, отверстие. Оттуда потянуло зябким ветерком, пахнуло сырой землёй. Во всяком случае, так чудилось мне. Каждый же по-своему видит и ощущает Врата. Может, дяде Янику грезилась посыпанная мелким гравием дорожка в его имении Туманный Луг, по обе стороны – розы, причём слева тёмно-красные, почти чёрные, а справа – белые, с лёгким оттенком желтизны.

Так, во всяком случае, было семнадцать лет назад, когда матушка ездила навестить своих стариков, и я, восьмилетний, упросил взять меня с собой. Заглянули тогда и к дядюшке – дальней в общем-то родне, матери он приходился троюродным дядей, и виделась она с ним редко. А тут вот вдруг решила наведаться... будто попрощаться... будто предвидела то, дальнейшее. А может, и всё проще – бездетному дядюшке было тогда уже за семьдесят, в таком возрасте человеку пора уже подумать о завещании, и значит, стоит ему мягко напомнить о том, что есть же у него близкие... пускай и дальние.

Очень мне тогда в Туманном Луге понравилось. Дядюшка оказался славным стариком, не докучал наставлениями о том, что подобает и что не подобает благородному мальчику. Потому бегал я взапуски с гончими из его своры, прыгал на сеновале с дворовым мальчишкой Пантюхой, объедался малиной в саду. И на матушкины укоры, что сие неприлично, дядя неизменно ей возражал: «Да ладно тебе, Пелагея! Пусть мальчонка поживёт немного по-человечески! Успеет ещё по-иному». Как в воду глядел.

Но сейчас мне тёмные и светлые розы не грезились. Сейчас мы шли по узкой – меньше аршина – серой дорожке, а справа и слева поднимались высокие скалы, смыкаясь у нас над головами. Откуда брался свет в этом ущелье, я не думал. Оттуда же, откуда и всё остальное: из моей головы.

Дядюшка сказал, что длительность перехода установил на полчаса, и этого хватит, чтобы изложить мелкие подробности моего задания.

Оказалось вот что. Живёт в Твери на Большой Ямской улице отставной секунд-майор Терентий Львович Скудельников. Лет ему пятьдесят шесть, в отставку вышел в семьдесят третьем, а до того служил в артиллерии. Женат на Прасковье Михайловне, в девичестве Булкиной, та моложе его всего двумя годами и держит мужа в ежовых рукавицах. От покойных родителей достались Терентию Львовичу две захудалые деревеньки, Сосновка и Белый Ключ, в ста верстах от города. Ну и домик в Твери, где они с супругой и проживают по сей день. Домик, прямо скажем, не дворец, но и не мужицкая халупа, конечно. Две дочери у них с Прасковьей Михайловной было, но корь их ещё в младенчестве сгубила, так что старики доживают век свой одиноко. И небогато. Если считать с дворовыми людьми, то душ пятьдесят всего наберётся, деревни-то – одно название, а крестьяне перемёрли, когда по губернии оспа гуляла.

Дворовых же людей у Скудельниковых немного. Кучер Павлушка, садовник Трофим, кухарка Настасья, сенная девка Дашка и брат её Алёшка. Родители их, Митрий да Алёна, уже три года как погибли страшной смертью. Послала их зимой барыня Прасковья Михайловна в Сосновку, припасов всяких-разных оттуда привезти. Снарядили телегу, запрягли лошадку, отправились. А на обратном пути – волки. Кнутом не отбиться, да и ружьё бы тут не спасло. «Между нами говоря, – пояснил дядя Яник, – не совсем это и волки были. Наши оборотни, дозорные, Пётр Иванович и Ефимка. Всё законно, по лицензии».

И вот этот самый Алёшка, оказалось, и есть тот, кого надлежит мне привести в Дневной Дозор. Ему неполных пятнадцать лет, сестре же его, Даше, пошёл восемнадцатый год.

– Что ж тут сложного? – поразился я. – Разозлить мальчишку... например, местный придурок сестру его лапать станет... чтоб придурка на девку навести, магии самую капельку потребуется... а можно и вообще без магии. Придурков же повсюду много. Алёшка защищать кинется, да безуспешно, разворотят ему нос. Вот в эту-то минуту и втянуть Алёшку в Сумрак... войдёт на злости да обиде, выйдет нашим...

– Не разочаровывай меня, Андрей! – В голосе дяди Яника слышалась искренняя досада. – Кабы всё так просто было, то мы бы уже давно... Но всё очень непросто. Не всякая злость с обидой годятся. И в Сумрак он сам должен захотеть, сам тень свою поднять. А вот представь, явишься ты ему, побитому, весь такой завитой красавец и станешь возвещать про Иных, про магию... Чем дело кончится? Мало тебе столичного позора?

Да, это был удар что надо! Как оглоблей по макушке. Сразу вспомнилось то, что безуспешно пытался я вытравить из памяти.

...В оконные стёкла с размаху лупит метель, прямо как в тот злополучный день второго января. В кабинете Харальда светло – и не от свечей, а висит под потолком нестерпимо яркий белый шар чуть побольше яблока. Простая магия, но требующая постоянной подпитки силой. На полу – шкура белого медведя, по стенам развешаны всякие-разные черепа. Есть тут и носорожки, и львиные, и крокодилы (сто лет назад Харальд возглавлял Дневной Дозор в Абиссинии), ну и человеческие тоже, куда ж без них. Некоторые, кстати, и не человеческие даже, а Иных. Провинившихся. Мой проступок, правда, не таков, чтобы к Харальду на стенку, но ведь если ярость застит ему ум, то что я со своим жалким третьим

рангом смогу поделаться? Против Высшего-то мага? Развоплотит, развеет в глубинах Сумрака душу, а голову – в коллекцию.

Мне, конечно, следовало бухаться на колени и просить о снисхождении, как не преминул это сделать Викентий. Но не мог я переступить через свою натуру. Стоял у стола, сверлил глазами белый мех медвежьей шкуры, но пощады не просил.

– Что ж это ты, любезнейший, так жидко обгадился? – поинтересовался Харальд. Сидел он в чёрном кресле (не иначе как обтянутом кожей эфиопов), курил трубку из железного дерева. Тонкие усики его шевелились по-тараканьи, длинные пальцы сплетались и расплетались (я чувствовал истекающую из них силу), а глаза были подобны гвоздям. И не шляпками на меня направлены – остриями.

– Я не сделал ничего, что прямо превышало мои полномочия дозорного, – выдавил я из пересохшего горла. А оно у любого пересохнет, если на тебя так смотрят.

– Идиотом прикидываешься? – ласково осведомился Харальд. – Так это пожалуйста. Выскребу часть мозгов, а кое-что оставляю. Как раз хватит, чтобы не забыл, как жевать и глотать. Равно как и второму идиоту.

Я понимал, что это не пустые угрозы. Харальд такое вполне может. С Александром Кузьмичом ведь ещё хуже вышло.

– Помилуй, великий Харальд! – взвыл распластавшийся на ковре Викентий. – Это же он всё напакостил! Разве ж я в той же мере виноват?

– А ты, блиноед, виноват, пожалуй, и больше, – повернул к нему голову Харальд, и косица его парика хищно дёрнулась – будто ядовитая змея. – Бросил напарника, что в Иных без году неделя, свалил на блины к купчихе... Будь ты с ним вместе, всё бы сделали как положено. Вызвали бы Светлых, сдали бы эту бабу-дуру им с рук на руки, подписали бы протокол о незаконном воздействии... да хотя бы и шестого уровня, можно и не мелочиться. А без тебя этот сын шакала и гиены возомнил, будто обладает властью самостоятельно такие дела решать!

Шакала, значит, и гиены? Чувствуется абиссинское прошлое.

– Следи за языком, Харальд! – Мне удалось справиться с горлом, и говорил я чётко. – Меня можешь по-всякому склонять, а вот родителей покойных не тронь.

– Как ты разволновался, любезнейший! – по-жеребьячи заржал Харальд. – Прямо такой весь из себя благородный, прямо розовой водой пахнет. Ты Иной, Андрюша! Тёмный Иной. А стало быть, разевать пасть можешь лишь на того, кто слабее тебя... в крайнем случае равен по силе. А со мной тягаться тебе рановато... вот лет через пятьсот поглядим... если, конечно, у тебя эти века будут. Пока же я тебе язычок приморожу, чтобы не перебивал старших.

И в тот же миг мою гортань сковало холодом – будто в горло забили глыбу льда. Я ещё мог дышать, но вот на звуки был более не способен. Даже мычать и то не мог. Что же это за такое заклятье? Александр Кузьмич про него не рассказывал.

– Что касается тебя, – носком домашней туфли Харальд слегка пнул голову Викентия, – то вон с глаз моих! Отныне всякий съеденный блин превратится у тебя в желудке... во что же он превратится? Ну, пожалуй, в каплю расплавленного свинца... Приятного тебе аппетита. А что касается пышнотелых купчих... лучше бы тебе в них ничего не совать... потому что не вынешь, ни магия не поможет, ни лекаря... И быть посему, пока не сниму кару. Годик так попрыгаешь, а дальше посмотрим. Всё, утомил! Кыш!

И точно ветром выдуло Викентия из кабинета.

– Ты хоть сам понимаешь, что натворил? – печально спросил Харальд, остановившись в шаге от меня.

Я понимал. Но разве можно было предположить, что Светлая целительница Марья Глебовна окажется такой дурой? Всю ночь она маялась, а едва зазвонили к утрени, побежала в ближайшую церковь каяться. Что поддалась она бесовскому искушению, впала в исступление ума и непонятным ей самой образом сотворила волшбу, спасла ребятёночка. Что приходил к ней человек тёмный, страшный и рассказал про тайное сообщество чародеев, к которому её и причислил, «рехистранцию поставил». И, дескать, столь сильно стоит за этих колдунов чёрт, что и крестное знамение на них не действует. И в тех великих грехах приносит она покаяние, просит себе епитимью поостроже...

Ну и что же сделал выслушавший её исповедь отец Никанор? Правильно, написал бумагу в Тайную экспедицию, что, дескать, такого-то дня мещанка Журова рассказала на духу, мол, в столице образовалось тайное общество чернокнижников, которые, вполне вероятно, могут злоумышлять и на августейшую особу... о чём, согласно духовному регламенту, он, иерей Никанор, обязан известить кого надо.

А за Тайной экспедицией, между прочим, приглядывает и наша родимая Инквизиция. Донос иерея Никанора, конечно, похерили, но вот скандал получился изрядный. Досталось всем. Светлым – за то, что не распознали вовремя потенциальную Иную, нам – за то, что допустили разглашение тайны. Не первое, конечно, разглашение и не последнее, но каждый случай – неприятный донельзя.

Конечно, в итоге сделали всё, что следовало. Иерею Никанору подчистили память, Марью Глебовну забрали Светлые и сейчас, видимо, вгоняют ей ума. А Харальд, соответственно, вгоняет ума мне.

– Знаешь, что я с тобой сделаю? – прищурился глава нашего Дозора. – А пожалуй, ничего. Сейчас выйдешь отсюда как бы не наказанный. Только не думай, что я тебя простил. Нет, любезнейший, твоё наказание само свершится... долго тебе все наши эту Марью Глебовну поминать будут. А что вышел сухим из воды, не получил наравне с Викентием, – это самое неприятное. Тебе ж завидовать начнут... любимчиком моим сочтут... Весёлая у тебя отныне в нашем Дозоре жизнь наступит.

И он был совершенно прав. Наступила.

Глава 6

– Ну, вот и пришли, – возвестил дядя Яник. – Врата к Скудельниковым как раз в огород выводят. Выходим в Сумраке, оттуда и смотрим. Круг Невнимания нам сейчас ни к чему, сейчас мы только наблюдаем, но ничего не делаем.

Огород выглядел не очень. Понятно, конец марта, самое поганое время. Снег не всюду ещё сошёл, хотя весна в этом году была ранней. Провалившиеся внутрь себя сугробы поблёскивали чёрной, омерзительной даже на вид корочкой. Комья перекопанной по осени земли пронзительно пахли... прямо как парой недель раньше, на кладбище. С этим запахом смешивался горьковатый дым от топившихся печей. Высокие яблони вдалеке перечёркивали своими голыми ветками мутное, ватное небо. Ненавижу весну.

– Красотами любишься? – хихикнул дядюшка. – Не задерживайся, нам в дом пора. Посмотришь, с чем работать придётся.

Дом был как дом... как обычный дворянский дом, не шибко богатый, но и не лачуга однодворца. Стены обтянуты бирюзовым ситцем, мебель под стать той, что у дядюшки в рабочем кабинете, – чуть ли не вековой давности. В гостиной круглый стол, даже пара картин на стенах... натюрморт с яблоками в вазе и пейзаж с рекой на закате.

– Тут ничего интересного, – заметил дядя Яник. – Пойдём-ка в людскую, там сейчас наш Алёшка, чую.

В людской, обширной и довольно чистой, с полатами вдоль стен, все и обнаружили – кроме разве что главы семейства, секунд-майора Терентия Львовича. За него была барыня Прасковья Михайловна.

Несмотря на почтенный возраст – середина шестого десятка, – старухой та не выглядела. Лицо гладкое, волосы под простецким голубым платком густые, тёмные, без намёка на седину. Руки скорее под стать крестьянке, чем изнеженной городской даме, – пальцы короткие, толстые и самую малость волосатые, точно гусеницы.

Барыня занималась обыденным, но немаловажным делом – секла своих дворовых. Суббота же! Посреди людской стояла широкая, некрашенная деревянная скамья, рядом, в дубовой кадке, ждали своего часа распаренные кипятком берёзовые розги. Садовник Трофим как раз вынул несколько, стряхнул капли на дощатый пол.

Остальные толпились в трёх шагах от скамьи, на которую, кряхтя, укладывалась пышнотелая кухарка Настасья. Барыня решила начать с неё.

– Галантное обхождение – дам пропускать вперёд, – шутливо произнёс дядя Яник, пока барыня самолично задирала кухарке подол.

Я поглядел, как тут синий мох. Растёт, ползучий, хищно шевелятся его безобидные на самом деле ворсинки, тянутся к людскому страху и боли. Но не сказать, чтобы мха тут были целые заросли. Видно, дворовые к такому давно привыкли, настоящего ужаса – как, скажем, при встрече с упырём или следователем из нашей Экспедиции – не ощущал никто.

– Видишь, Андрей, – пояснил дядюшка, – Прасковья Михайловна хозяйство ведёт отменно. Супруг, Терентий Львович, ей не помощник по причине пагубной страсти. Его потому сейчас тут и нет, что отлёживается в спальне – вчера в трактире на Никольской опять превысил всякую меру. Это подробность важная, тебе, может, в деле пригодится. Так что барыня, как видишь, одна управляется. Но управляется замечательно. Бережлива, аккуратна, чистоту соблюдает даже сверх необходимого. Всё у неё учтено, никакая вещь даром не пропадёт, всякая работа спорится. А как она солит огурцы! Таких огурцов, Андрей свет Галактионыч, ты нигде более не найдёшь! Мой тебе совет – огурцы покупай только у Прасковьи Михайловны!

По нему даже и не поймёшь, издевается ли, невинно ли шутит – или всерьёз обо мне заботится, чтобы внучатый племянничек не остался без самолучших огурцов.

– Суровая особа, – хмыкнул я. – У нас в Чернополье такого не водилось. Если мужик всерьёз проштрафился, запил горькую, к примеру, оброк не заплатил, церковную службу из раза в раз пропускал, батюшка его, конечно, посылал на конюшню. Но вот чтобы всех, да каждую субботу, – ему бы такое и в голову не пришло.

– Ну и сам помнишь, чем кончилось, – не щадя моих чувств, возразил дядюшка. – Крепостных людей нужно в кулаке держать, чтобы у них и малейшей мысли о неповиновении не возникло. Вот Прасковья Михайловна это понимает. Не умом – особого ума там, прямо скажем, нет, – но всем нутром своим. Потому и сечёт дворовых неукоснительно. И те, между прочим, обиды на неё не держат. Она строга, но и справедлива. Кормит их отменно, одевает сообразно погоде, а ежели заболели – сама их лечит всякими травками.

– Неужто ведьма? – глупо пошутил я. Глупо, потому что по цветку её души сразу было видно: ни малейших задатков Иной там нет. Человеческое в ней всё, слишком человеческое.

– Она – нет, – деловито пояснил дядюшка, – а вот бабка её, Агафья, ведьмой как раз была. Слабенькой, шестой ранг. В Дозоре не служила, мирную жизнь вела, мужа рано схоронила, ну а когда внучка малость подросла, то стала учить её травяному искусству. Но силу свою передать ей не смогла, не способна к тому Прасковья. Очень Агафья, говорят, переживала по сему поводу.

Впрочем, слушал я его вполуха, потому что внимательно разглядывал дворовых – и прежде всего того, над кем надлежало мне потрудиться. То есть Алёшку.

Роста он для своих лет был среднего, на вид – обычный мальчишка. Худой, но не тощий, а жилистый... в точности как и я сам. Лицо малость конопатое, глаза серые с прозеленью, а прямые, отросшие чуть ли не до глаз волосы – нечто среднее между соломенными и рыжими. Слегка лопоух и, должно быть, стыдится этого. Я бы в его возрасте точно стыдился. Одет в добротную рубаху из некрашеной холстины и такие же штаны. Но босиком... видать, бережёт барыня обувь, велит дворовым в доме её снимать. Что ж, полы чистые, печи протоплены...

Гораздо интереснее Алёшкиной внешности оказался цветок его души. Ярко светились в нём лиловый страх, жёлтая тревога, малиновое любопытство... но обычный цветок, человеческий. Ровные лепестки, гладкие, нет тех длинных щупальцев, тех острых лучиков, что присущи цветкам Иных. И как же сие понимать?

– Заметил? – дёрнул меня за локоть дядя Яник. – Видишь, какая аура? Ни малейших задатков Иного, верно? А почему? Думаешь, съехал с последнего ума твой старенький дядюшка, разучился видеть? Нет, Андрюша, сие маскировка. Я на парнишку сильное заклятье наложил, сразу же, как только впервые его увидел. Вот смотри внимательно. Сейчас я ставлю Сферу Обнуления вокруг людской, причём и в обычном мире, и сразу на трёх слоях Сумрака, для спокойствия. Чтобы ни один Иной, окажись он рядом, ничего бы не заметил. Непростая это магия, расход силы огромный, и долго Сферу даже я держать не смогу. Зато внутри неё перестают работать любые заклятья. Понял теперь, почему мы в Сумраке тут, почему силу тратим, когда, казалось бы, куда проще поставить Круг Невнимания? Сдулся бы сейчас наш круг... Ну, готово. А теперь

опять взгляни на парнишку.

Я взглянул – и обалдел. Теперь цветок души был совсем иным. Лиловое, жёлтое, малиновое никуда не делось, но гладкости как и не бывало. Лепестки вытягиваются острыми иглами, выстреливают снопами ослепительно-ярких искр, вырастают из них цветные нити... втягиваются и вновь растут.

Да, этот цветок под стать настоящему Иному. Причём я с ходу не сумел даже определить, какого ранга. Но ладно бы ранг... да это же Светлый! Непосвящённый, не подозревающий о своей Иной природе Светлый.

– Теперь понял? – прошептал мне в ухо дядюшка. – Понял, почему я сразу его закрыл? Ночной Дозор не дремлет! Перехватили бы! Повезло ещё, что я мальчонку первым отыскал. Ну, всё, хватит, сдуваю Сферу.

Тотчас же Алёшкин цветок души мигнул, разгладился – и стал обычным, ровным, человеческим.

– Конечно, заклятье моё не всесильно, – продолжил свои пояснения дядюшка. – Высший Иной если тщательно всмотрится, то сообразит – что-то с этой аурой не так. А сообразив, и вовсе снимет нашу маскировку. Но из таких Иных здесь разве что сама графиня Яблонская... К тому же барыня Алёшку всякой домашней работой нагружает, не позволяет ему праздности, а потому на улице он не часто бывает. Разве что в лавочку пошлют или на базар. В церковь они ходят поблизости, в храм Всех святых. Я проверял: Иных среди тамошних прихожан нет. Это выгодно: меньше шансов попасться на глаза кому не надо. Ты об этом не забудь, когда обрабатывать мальчишку станешь.

– Да уж... обрабатывать... – протянул я. – Ну и как мне из Светлого сделать Тёмного?

– Как – над этим и поломаешь голову. – Дядя Яник потёр пальцами свой шрам от сабли, водилась у него такая привычка. – Говорил ведь: задачка непростая.

Я вздохнул. Ну не мог мне дядюшка что-то другое поручить? Неужели это из вредности? Неужели сумел прочитать по моему цветку то, о чём я и сам в себе думать не любил, а уж тем более никогда ни с кем не делился. И правильно делал. Представляю, как обсмеяли бы меня одноклассники в Корпусе... да и в

Семёновском полку нашлись бы острословы.

Пока мы беседовали, садовник Трофим не торопясь, под барынины указания, охаживал гибкими прутьями необъятный Настасьин зад. Кухарка охала и повизгивала, пока Прасковья Михайловна не повелела ей слезать с лавки и отправляться на кухню, чтобы вчерашние подогреть к обеду.

После неё наступила очередь Даши, Алёшкиной сестры. И вот тут я глядел уже во все глаза. Потому что было на что поглядеть. Семнадцатилетняя Даша оказалась истинной красавицей. Такая же стройная, как и брат, но в волосах ни рыжинки, волосы цвета спелых пшеничных колосьев, а глаза – как два кусочка ясного неба, каким оно бывает за миг до восхода солнца. Щёки нежные, с едва заметными ямочками, и ни малейшей лопухости. Её бы ещё одеть как следует...

Судя по лепесткам цветка её души, девушка куда больше боялась предстоящей порки, нежели брат. Но деваться ей было некуда, и, утерев тыльной стороной ладони слёзы, улеглась она на скамейку. Барыня, как и до того с Настасьей, заголила ей тыльную часть (я заметил, что Алёшка стыдливо уставился в тонкие щели между половицами), принялась пенять на какие-то недавние упущения, а потом вновь засвистели в воздухе розги.

– К девке присмотрись, – посоветовал дядюшка. – Любит её Алёшка, нет у него другой близкой родни. Так что это хороший рычаг воздействия. Только ты аккуратно... гляди, сам не увлечись. Девка слишком хороша собой... и этого, кстати, ей барыня Прасковья Михайловна втайне простить не может. Тем более что Терентий Львович уже не раз позволял себе всякие вольности... за что и получал от супруги надлежащее возмездие.

– А как вышло, дядюшка, что вы этого Алёшку обнаружили? – задал я вполне естественный вопрос. Меня и тянуло смотреть, как прутья гуляют по белому девичьему задку, и вместе с тем что-то внутри шептало: не гляди, не стоит. Следовало было, конечно, заткнуть этот тихий голосок – Тёмный не должен слушаться разных химер, он поступает сообразно своим желаниям... ну, конечно, принимая в расчёт возможности. Однако заткнуть не получалось, поэтому я решил отвлечься на другое.

– Тут интересная история вышла, – засмеялся дядя. – Вот видишь этого Трофима, что розгами машет? На масличной седмице явился он к нам в Экспедицию с

изветом на господина своего, Терентия Львовича. Дескать, третьего дня за обедом, выпив для аппетита стопку рябиновой, впал Терентий Львович в озлобление и матерно ругал высочайшую особу государыни нашей. Кровь он, понимаешь, проливал за неё, а где благодарность? Пенсия мизерная, орденов нет, одна лишь медаль, да что с неё толку, с медали, если к орденам прилагается и ежегодное денежное содержание?

– Небось многие отставные офицеры такое болтают? – предположил я. – Пенсия какой бы ни была, а всегда его хватать не будет. И наградить всегда могли бы лучше, чем наградили.

– Думают все, болтают не все! – сурово возразил дядя. – Для того наша служба и заведена, чтобы расстояние от мысли до языка не было слишком коротким. Ибо если что на уме, то и на языке, а что на языке, то и в руках. Конечно, делу можно было бы дать официальный ход... но поначалу решил я посмотреть лично, что это за майор такой, надо ли нам вообще следствие затевать? На Трофима поглядел как следует – не врёт Трофим, но уж больно сгущает краски. Награду хочет. Ну и сходил я сюда по Сумраку... и Алёшку этого обнаружил. После, сам понимаешь, иной расклад начался... Иной... Дело секунд-майора мы похерили, Трофиму велели обо всём до времени молчать, напугали знатно... Будь я Светлым, племянничек, в ножки бы ему, стервецу, поклонился. Кабы не он, прозевали бы мы парня. Ты ауру-то разглядел как следует? По силе если судить, потянет сразу на второй ранг... а он же расти будет!

Когда мы уходили, очередь дошла уже и до Алёшки. Что-то бубнила Прасковья Михайловна, свистели, рассекая душный воздух, прутья, охал и стонал на лавке будущий Великий Иной. А я всё время, как шли мы по узкому ущелью обратно в кабинет, размышлял над одним простым вопросом: почему дядюшка несколько недель с этим делом тянул, никому из своих дозорных не поручал, а только я сюда перевёлся – сразу же на меня повесил. Из родственных чувств? Из недоверия к местным? Или здесь кроется какой-то непостижимый для меня расчёт?

Колокола заливисто звонили, наполняли радостью сухой, пропитанный долгожданным солнцем воздух. Шла Светлая Седмица. Светлая... что мне до неё, Тёмному? Да, я уже не тот желторотый новичок, каким был полтора года назад. Да, Александр Кузьмич немало потрудился, объясняя мне, сопливному: и Свет, и Тьма – всего лишь изначальные силы мироздания, ни к Богу, ни к дьяволу никакого отношения они не имеют. «Думать, что мы, Тёмные, служим дьяволу, – вещал он, воздев поросший рыжими волосками палец, – это всё равно что путать зелёное и солёное. Хотя и то, и другое может быть разными свойствами одного предмета. Например, огурца. Андрей, ты теперь Иной, все человеческие измышления тебе теперь ни к чему. Нет никакого дьявола и нет никакого Бога. Во всяком случае, за всю историю Иных – а она длится столько же, сколько и история человечества, – никто из наших дьявола не видел, впрочем, как и Бога. Люди – те пускай веруют, им это даже полезно, это обеспечивает какой-никакой, а порядок. Но мы – иное дело. Иное».

Пусть так. Пусть ничего нет ни за облаками, ни под землёй. Но отчего же толкается под сердцем тёплая радость? Прямо как в детстве, в Чернополье. И кстати, в первом слое Сумрака уже несколько дней как скукожился, увял синий мох. Впрочем, пройдут святые дни, закрутится обычная суeta – и мох воспрянет. Ведь и раньше так было.

Я размышлял обо всём этом, направляясь на бал. Можно сказать, в карете, хотя купленный на прошлой неделе возок походил на приличную карету так же, как мужицкий армяк на генеральский мундир. Впрочем, что за беда? Мне же велено раздражать общество? Вот и пожалуйста. Зато возок прочный, лёгкий, вдвоём с Тимошкой мы без особого труда можем вытаскивать его из луж. Иногда с крошечной долей магии – так, чтобы никто не заподозрил.

Ох, насколько проще было бы без Тимошки! В трезвом виде он ещё более несносен, чем когда нарежется в дубину. Вот сидит на козлах, воняет овчиной, луком и ещё чем-то неискоренимым. Протяжно поёт на одной ноте «Уж как выйду во поле» – а то ещё хуже, принимается рассуждать обо всём, что попадает ему на глаза. От рассуждений этих мухи дохнут. Я даже сквозь Сумрак смотрел – нет ли тут чего-то Иного. Нет, обычный человек, обычный дурак. Вот никак не соберусь его посечь... хотя по всем линиям вероятности выходит, что толку не будет ни малейшего. Лучше уж отправить его в деревню, заменив ясное дело кем.

Впрочем, дело-то как раз пока тёмное. Неделю уже ломаю голову, как бы дядюшкино задание выполнить, – и ничего путного не приходит. Да, как сделать так, чтобы Алёшка достался мне – более или менее понятно и даже не шибко сложно. Как привязать его к себе – и того проще. Понаблюдав я за ним из Сумрака, прикинул так и этак. Жаль, в мысли его не залезешь, из цветка души их не считаешь. Это всё дядюшкино заклятье закрывающее, точнее, побочное его свойство. Никто из нас не увидит в мальчишке задатки Иного – но никто и не может вытянуть из цветка его души больше, чем сиюминутное настроение. Между прочим, ахиллесова пята! Если вдруг какой Светлый захочет прочесть Алёшкины мысли и не сможет – поневоле задумается, что дело нечисто. Правда, я не мог придумать причину, зачем некоему Светлому вздумалось бы лезть в мысли этого самого обычного дворового парнишки.

Да, купить несложно. И привязать несложно. А дальше-то как? Что с ним, непосвящённым Светлым, нужно сотворить такое, чтобы в Сумрак он вошёл в безумном страхе, или в ярости, или в зверской похоти, или, вот как я сам, в отчаянии? Что с ним нужно сотворить – и не потерять притом его доверия?

Выходила логическая задачка про волка, козу и капусту – давал такую в Корпусе Нил Ильич, учитель арифметики и логики. Лет нам тогда было по двенадцать-тринадцать... и никто из класса не решил, хотя Ильич обещал за решение высший балл.

Ох уж этот бал! Я с большей радостью отправился бы в дозор, даже в компании с каким-нибудь оборотнем Петром Ивановичем... по крайней мере с ним ясно, как себя держать. А бал... помню, ещё в полку, стоишь дурак дураком, не знаешь, куда себя деть. Кого из дам прилично пригласить на танец, а кого – сочтут за оскорбление. Десятки глаз всяких матушек и тётушек, которые про каждого знают, кто наследник всех своих родных, кто завидный жених, в ком струится кровь особой голубизны, от Рюрика или хотя бы от Нарышкиных... а кто обычный дворянин, нетитулованный, и всего-то у него есть лишь одна деревенька в Симбирской губернии, сорок с чем-то душ, капитала девятьсот рублей – восемь лет шёл мне пенсией за трагически погибшего папеньку. Вот подойдёшь с таким грузом за плечами к какой-нибудь юной прелестнице – а она окажется, к примеру, троюродной племянницей светлейшего князя Потёмкина. И позор ведь, да? Никого не приглашать, сразу отправиться туда, где играют в карты? Так ведь кто играет – солидные люди в возрасте, отцы семейств. Молокососу вроде меня, лишь недавно выпущенному из Кадетского корпуса, в их компании не место. Вот и мнётся, и жмётся.

Здесь, впрочем, расклад немного иной. Дядюшка не просто посоветовал, а можно сказать, велел явиться на бал, который графиня Яблонская устраивала по случаю святых дней в своём городском доме.

– Пора тебе выходить в свет, – пояснил он, прихлёбывая из высокого стакана мадеру. – На других посмотришь, на тебя посмотрят. Знаешь, кто сказал «врага нужно знать в лицо»? Не знаешь? Вот и я не знаю, а сказано верно. Тем более напрямую дерёмся мы нечасто, всё больше дипломатия да разведка... В общем, представлю тебя графине. Ты только дурачка из себя не строй и не хами особо. Графиня ведь кое в чём дура дурой, а в чём-то хитра, как лиса из китайских сказок... да и из наших тоже.

В общем, я тоже был не прочь поглядеть на Великую Мать, как между собой называли её в тверском Ночном Дозоре. Графиня Виктория Евгеньевна Яблонская, вдова шестидесяти четырёх лет от роду... во всяком случае, так полагают люди. Высшая волшебница, вне рангов. Двадцать лет как возглавляет Ночной Дозор Твери, заменив на этом посту перебравшегося по неизвестной нам причине в Малороссию Великого мага Фому Никитича Булытникова. Весьма своеобразная, говорят, особа.

Ну и другие Светлые вокруг неё будут виться. Из наших же – только дядюшка да я. Остальных пускать в столь высокое общество сочтено неприличным. Что поделаться, так последние годы сложилось, что почти все наши дозорные – мещане да купцы. Есть и из духовного сословия, впрочем, но им на балу тем более не место.

По словам дядюшки, пасхальный бал у графини – это многолетняя здешняя традиция. Иные Твери, и Светлые, и Тёмные, в этот день заключают нечто вроде перемирия... хотя и войны между нами давно уже особой нет, а есть та хитрая суета, которую дядюшка называет «большой игрой». Ему простительно, он же неумеренный поклонник шахмат. Подозреваю, для того он меня к себе из столицы переманил, чтобы иметь достойного партнёра. Хотя, по правде сказать, играет он куда как лучше.

За этими мыслями я сам не заметил, как доехал до места моего назначения. Дом графини, выстроенный в итальянском стиле, призывно мерцал разноцветными фонарями, укреплёнными на решётчатой ограде – это притом, что ещё не зашло солнце. Одно слово – Светлые.

Велев Тимошке сидеть смирно и никуда не отлучаться от лошадей, я покинул возок, вошёл в распахнутые ворота. Перед тем как подняться по мраморным ступеням к парадным дверям, поглядел на дом сквозь Сумрак.

Исчезли колонны, исчезла лепнина по стенам и над крышей. Мрамор преобразился в кирпич, чугунная литая ограда сделалась живой изгородью из какого-то удивительно высокого и удивительно колючего шиповника. Причём цветущего во всю силу – это в середине-то апреля!

Впрочем, долго разглядывать сумеречную грань дома я не стал. Поднялся, дёрнул шнур колокольчика, доложил о себе сунувшемуся на звон лакею – и немедленно был препровождён в общую залу.

Кажется, я прибыл позже всех, ибо зала напоминала гудящий пчёлами улей. Кого там только не было! Помимо благородного сословия обнаружилось несколько купцов побогаче (дядюшка, едва прибыл я в Тверь, сразу ввёл меня в курс дела и снабдил сведениями о наиболее почтенных горожанах). Видать, и впрямь графиня любит ломать устоявшиеся традиции. Чтобы купцов (и нарумяненных, разодетых жён их и дочек) пускали в дворянское общество! Раньше о таком я и помыслить не мог. Интересно, кстати, получается: для людей её сиятельство делает исключение, а для наших Тёмных – нет. Стало быть, сильно не любит.

– Вечно ты опаздываешь! – тронув меня сзади за локоть, прошипел невесть откуда взявшийся дядюшка. – Пошли, представлю тебя графине. И не забудь, как надлежит себя с нею держать. С остальными – сообразуйся с репутацией, которую мы тебе придумали.

И он чуть ли не силой потащил меня сквозь толпу нарядных дам самого разнообразного возраста, сквозь льющуюся из-за белоснежных шёлковых ширм скрипичную музыку, сквозь клубы сизого дыма от курящихся трубок – нюхать табак даже в этой провинциальной глуши уже выходило из моды.

Графиня обнаружилась на другом конце залы, она сидела в кресле возле устроенного на английский манер камина. Высокая, худощавая, с хитро закрученными тёмными – но с немалой долей седины – волосами. Длинные тонкие пальцы... серые цепкие глаза. Её бирюзового цвета платье поблескивало серебряными нитями. Юбок с кринолинами Виктория Евгеньевна, стало быть, не

признавала. И не комнатная собачка свернулась у её ног, а самая настоящая рысь – не особо крупная, но, как я сразу понял, очень нервная.

– Вот, графиня, позвольте представить вашим очам нового нашего... гм... служащего, – сделав положенный поклон, зачастил дядюшка. – Андрей Галактионович Полынский, дворянин, гвардии поручик в отставке, занимался известным делом в столице, а с марта сего года поступил на государственную службу в тверской нашей Конторе... Весьма благонравный молодой человек... Надеюсь, придётся вам по сердцу.

– Утомил, Януарий... то бишь, ясное дело, Иван свет Саввич, – изрекла графиня, испытующе оглядывая меня. – Ведь поставил Круг Невнимания, к чему же экивоки? Ну, будь здоров, Андрей Галактионович, – протянула она ко мне руку, но, когда я наклонился поцеловать, резко отдёргнула её и щёлкнула меня двумя пальцами по носу. – Давай вот без человеческих глупостей! Дурацкий обычай – поцелуи все эти ритуальные. Унижают женское достоинство, подчёркивают нашу хрупкость, а стало быть, и неполноценность! Ну что, Тёмный? – Судя по характерному покалыванию затылка, она сейчас рассматривала меня сквозь Сумрак. – Третий ранг, да и второй не за горами. В столице, слыхала я, оскандалился? Пожалел дику Светлую? Ай-ай, а ещё Тёмный! И с начальством не поладил, побежал спасаться к дядюшке под крылышко... Да ты не топорщ иголки, привыкай. Раз уж с нами тебе жить, то по-нашему и выть. Не раз ещё и подерёмся, и помиримся... Ладно, я на тебя поглядела, можешь гулять. С девицами потанцуй, шампанского выпей. А мы тут с Иваном Саввичем потолкуем о делах наших старческих.

Выставила, в общем.

Интересно, думал я, щелчком пальцев подзывая лакея с подносом, каково приходится Светлым, что служат под её началом? Она их так же конфузит?

От нечего делать я и впрямь пригласил на танец симпатичную дворяночку. Самарцева Екатерина Матвеевна, восемнадцать лет, дочь коллежского асессора Матвея Антоновича, служащего по акцизному ведомству. Мечтает о замужестве, о куче детишек, любит малиновое варенье и отчаянно трусит мышей. Всё это считал я в верхних слоях цветка её души. Закружить ей, что ли, голову? Заодно и поддержать репутацию повесы. Но... чего-то в девице не доставало. То ли живости, то ли ума... Потому, исправно отплясав с нею круг, я галантно поклонился и вклинился в компанию мужчин, возносящих поклонение Бахусу.

Отдадим графине должное – вина были выше всяких похвал. Не то чтобы я особо тонкий ценитель, но пять лет в полку что-то же значат! Было там у кого учиться.

Конечно, поглядывал я и сквозь Сумрак. Иных было не так уж много, из Тёмных только мы с дядюшкой, Светлых же – человек семь, считая с графинею.

Вспомнилось мне, как Александр Кузьмич объяснял: Иные встречаются редко, на десять тысяч обычных людишек приходится всего один Иной. И для не столь уж великого города Твери получалось, что нас тут собралось прилично. А если учесть и Тёмных, коих не позвали из-за худородности...

Чтобы развеяться, пошёл я проведать карточные столы. Играть, конечно, не собирался – но потереться возле, поглядеть на игру, послушать людей... впитать немножко силы. Тут уж я графини стесняться никак не мог: не чужое беру, а лишь поднимаю то, что само упало. Играют люди, волнуются, страшатся, обижаются, завидуют, негодуют... Чувства их бурным потоком утекают в Сумрак и там постепенно растворяются, точно капля чернил в тазу с водой.

Растворяются – и становятся силой, которую мы, Иные, тянем оттуда. Но можно и напрямую, Великий Договор запрещает лишь незаконно её, силу, тратить, а брать и накапливать – пожалуйста. «Есть тут, брат Андрюша, однако же, и закавыка, – вспомнились самые первые уроки Александра Кузьмича. – Нельзя их, людишек, ставить в такие условия, чтобы чувства понуждать. Проще сказать, если ты их намеренно мучить и соблазнять для того станешь, то это уже нарушение параграфа двенадцать. Однако же если они сами... а ты просто рядом приключился, то всё по Договору».

Играли здесь в вист и карамболь, и не как у полковника Веенмахера, а по маленькой. Чтили, значит, указ государыни. Впрочем, и без того хватало чувств. Людская порода, что сказать? Проигравший пять рублей горюет так же, как и проигравший пятьсот. Ну или почти так же. Во всяком случае, тут есть чем подкормиться.

Я походил, поглядел на играющих, потом, сделав вид, что притомился, сел на удачно расположенный мягкий диванчик, обитый зелёным бархатом, и стал наблюдать ход игры за ближайшим столиком. То, что видны мне были только спины да затылки, не мешало ни в коей мере. Капелька магии – и видишь под рубашками карт их рисунки. Причём за эту капельку никто бы меня упрекнуть не смог – я же только подглядываю, а не превращаю, допустим, даму в валета. Не влияю на людей. Сижу, никого не трогаю, тихонько подбираю чувства, что они столь щедро выплёскивают в пространство.

Вскоре внимание моё привлёк немолодой мужчина, чей проигрыш достиг уже двадцати пяти рублей. Ему бы расстроиться – ан нет. Веселье, азарт, непристойные слова – это из него брызгало вволю, в этом он походил на фонтан в Петергофе... и при всём при том испытывал явное сладострастие. Невкусный, в общем, дядька.

Любопытства ради глянул я на цветок его души сквозь Сумрак – и долго сидел с разинутым ртом. Мужчина оказался Иным, Тёмным – но пока что не посвящённым. Судя по яркости – четвёртый ранг.

Пожалуй, стоило бы немедленно известить дядюшку. Нам в Дозоре лишний маг уж явно не помешает. Но вновь обуял меня дух противоречия, и поступил я не как должно, а как хотелось. То есть, развалясь на диванчике, внимательно разглядывал мужчину и сквозь Сумрак, и обычным зрением.

На вид было ему около пятидесяти. Высокий, плотный, парик сбился набок, и видны собственные его волосы, рыжеватые с сединой. Лицо красное – от избытка то ли чувств, то ли шампанского. Глаза маленькие, серые, и взгляд их чем-то напоминал Харальда в тот час, когда бранил он меня за Марию Глебовну. Руки длинные, наверняка сильные, пальцы толстые, как солёные огурцы из бочки... Одет богато и модно, однако на белых панталонах расплывается красное пятно от вина... а кажется, будто кровь.

Так-так... Кто же это у нас такой интересный? Внешность его ничего мне не говорила, хотя дядюшка и скинул мне из мозга в мозг портреты всей городской знати. Стало быть, заезжий господин. Однако раз приглашён на бал к графине, то не случайная, не залётная птица. Скорее всего помещик из Тверской губернии, нередко наезжающий из имения своего в город.

А меж тем таинственный незнакомец почуял мой взгляд и резко обернулся.

– Ба! А это что за птица? – вскричал он, хлопнув себя по ляжкам. – Почему не знаю?

Я встал с дивана, слегка поклонился.

– Андрей Галактионович Полынский, гвардии поручик в отставке, к вашим услугам. – Добавлять, что ныне служу я в здешней конторе Тайной экспедиции, пока было ни к чему. – С кем имею честь?

– Так ты что же, меня не знаешь? – изумился мужчина. – Да меня тут каждый знать должен, я тут всё вон как держу!

Чтобы показать как, он сжал правый кулак и звонко хлопнул по нему левой ладонью.

– Сдаётся мне, что его высокопревосходительство господин генерал-губернатор Николай Петрович Архаров выглядит несколько иначе, – усмехнулся я. – И то же касается городского головы, графа Скавронского. Вас же, простите, не имел доселе чести знать. В Твери обретаюсь меньше месяца, – добавил я примирительно.

– Ну, так уж и быть, на первый раз прощаю, – расхохотался неудачливый игрок. – Князь Модест Яковлевич Корсунов, здешний помещик. Чинов не занимаю, ибо все чины мне до ветчины! Передо мной и без того здесь трепещут! А ты, поручик, давай-ка сюда, за столик. Переведаюсь с тобой в картишки, пощупаю, что ты за гусь.

Напрашивается князюшка на неприятности? Или просто дурак? Или и то и другое вместе? Как бы там ни было, пора окоротить наглеца.

Многое можно было сейчас с ним сделать, оставаясь в рамках дозволенного. Ну не в таракана же его превращать! Нужно что-нибудь мелкое, воздействие седьмого уровня, чтоб и мысли ни у кого из людишек не возникло, что нечисто дело. К примеру, кишечник ему опорожнить... или лучше пусть поползает на четвереньках, похрюкает... нашампанился он изрядно, никого не удивит. А то ещё можно влепить по нему «Горючим покаянием» – пусть в слезах перед всеми исповедуется в прегрешениях... у такого кабана их должно быть что щетинок в шерсти. Правда, это уже не седьмой и даже не шестой, а именно что третий уровень.

Но я ничего этого делать не стал. Не потому, что поскупился на магию – свою, по рангу положенную мне годовую меру воздействий вычерпал я менее чем на десятую долю. Просто князь Корсунов был не совсем человеком... пускай пока и

сам того не ведает. Если наши до сих пор о нём не прочухали, то скоро так и так узнают, приберут к рукам, расскажут про Иных, помогут поднять свою тень, нырнуть в Сумрак... и вынырнуть оттуда уже настоящим Тёмным. Дядя Яник, может, и в Дозор его возьмёт, рук-то мало, у Светлых перевес... Зачем же мне его позорить? Зачем наживать себе врага? Причём врага, похоже, могучего. Если сейчас у него скрытая сила тянет на четвёртый ранг, то до чего он с годами дорастёт? Я, положим, тоже не вечно на третьем застряну, однако ещё бабушка надвое сказала, кто кого опередит. Нет уж, будем без глупостей. Будем по-человечески.

– Благодарю, ваша светлость, за щедрое предложение, – усмехнулся я, – но что-то не хочется. Не люблю, знаете ли, карточную игру. Да и занятие сие, прямо скажем, не богоугодное.

Князь вытаращился на меня – и был сейчас невероятно похож на огромную жабу. Мой отказ мало того что оскорбил его, но ещё и поразил до крайности. На багровом лице пламенела одна короткая мысль: «Такого не может быть!»

Тотчас же к уху его склонился низенький лысоватый господинчик средних лет, принялся что-то скороговоркой шептать.

– А! – загремел князь, досадливо отпихивая от себя левой рукой ненужного более господинчика. – Вот ты, значит, какая птица, поручик! Наследничек богатенького дядюшки, проигравшийся вчистую! Не любит он игры! Да гляньте на него! – Князь протянул ко мне палец с толстым золотым перстнем. – Да он всего лишь трусит! Боится продуть последние панталоны! И это благородный человек? Что за времена пошли, право слово? Чтобы русский дворянин трусил карт? Чтобы дрожал он за последний свой пятак, точно чухонец или жид? И вот такие защищать будут Русь нашу матушку? Поручик он! Отставной козы поручик! Возрастом сопляк, на увечного не похож, а уже и в отставке! Небось из полка за трусость выгнали?

– Вы намеренно оскорбляете меня, князь? – произнёс я как можно холоднее. Трудно это – изобразить голосом лёд, когда внутри бушует кипящая лава. Трудно – но можно. За последние полтора года многому пришлось мне научиться.

– Ишь ты, «оскорбляю», – заржал Модест Яковлевич во всю глотку. – Да кто ты такой, чтобы оскорблять тебя? Оскорбить можно равного себе. А ты передо мной кто? Вошь голая! Я таких на конюшне учу!

После этого отступить было уже совершенно невозможно.

– Что ж, князь, – улыбнулся я. – Предоставлю вам такую возможность. Если, конечно, вы действительно князь, а не уличная грязь. Жду в самом скорейшем времени ваших секундантов... или подобающих извинений. Адрес мой вам сообщат... разные пресмыкающиеся.

Хорошо же начинаю я свою тверскую карьеру! Спустя несколько часов... ну, даже пускай суток, я убью эту высокородную тушу... и что дальше? Поединки строжайше запрещены. Будь я просто человеком – дело могло бы окончиться и Сибирью. Хотя более вероятный расклад – несколько месяцев в крепости. С Иными такое, конечно, не пройдёт, подсуетится дядюшка, заморочит одних, запугает других – всё в итоге и замотают. Не для того же он меня сюда вытаскивал, чтобы ценного работника лишиться?

Ценного? И что ж я такого ценного успел тут наработать? К порученному заданию не знаю как и подступиться... Дядюшка выручит – но ведь небось и три шкуры спустит. А что сделал бы в таких обстоятельствах Харальд, не хочется и думать.

– Пойдём, Андрей Галактионыч, свет ты мой, пойдём! – Кто-то мягко обнял меня за талию и потащил прочь. – Перебрал ты вина, друг мой... давай-ка на воздух, продышись...

Лёгок на помине дядюшка!

Глава 8

– Вот ты Тёмный, а играешь белыми. – Дядя Яник выдвинул вперёд боковую пешку и хитро взглянул на меня. – И тебя это ничуть не смущает. Меня, разумеется, тоже. А между тем немало есть среди нас тех, кого от белого цвета

воротит. В мозгах их белизна прочно увязана со Светлыми, а Светлых они ненавидят. Меж тем нет более глупой ошибки. Светлые, конечно, считают нас врагами, но мы – отнюдь нет.

– Кем же, по-вашему, надлежит их считать? – Я выдвинул левого своего слона так, чтобы мог он простреливать всю диагональ. Потом глотнул очень крепкого и очень сладкого чая, который дядюшка сразу же распорядился подать, едва привёз меня с бала в Контору. Я только сейчас сообразил, что Тимошка так и дожидается меня близ дома графини, – и тут же выбросил из головы. До Тимошки ли сейчас, когда такие дела завариваются!

Против всех ожиданий дядюшка не стал меня стыдить. Просто вытащил из шкафа шахматную доску, расставил фигуры и приглашающе поманил.

– Надлежит их считать препятствиями на пути, – пояснил он. – Ты же не будешь злиться на камень, попавший под колесо твоего тарантаса? И не злишься же ты на мою ладью, которой закроюсь я сейчас от шаха... взять ты её, кстати, не сможешь, иначе слон твой перестанет защищать короля от атаки моего ферзя. Просто надо их, Светлых, учитывать... выбирать такие пути, чтобы с ними не столкнуться. А ещё лучше – умело использовать их в своих целях. И тут у нас явное преимущество. Да ты чай-то пей и про баранки не забывай. Перенервничал, понимаю...

– В чём же наше преимущество? – спросил я для приличия. Знал уже дядюшкин ответ, не в первый раз он об этом рассуждал.

– В том, что у нас нет великой цели, – учительским тоном пояснил тот. – У них – есть. Они мечтают осчастливить человечество, уничтожить любое зло, любое страдание, любое недомыслие. Глаза их устремлены столь высоко и далеко, что хуже замечают ямы под ногами. Нет, они не глупее нас, но ум их, направленный на идеальное, проскальзывает мимо настоящей жизни. А мы, Тёмные, не хотим ничего великого. Мы просто живём, каждый для себя.

– А как же служение Изначальной Тьме? – поддел я своего собеседника. – Об этом новопосвящённым Иным с первого же урока талдычат.

– Ах, Андрюша-Андрюша, – пожевал он губами. – Ты-то не совсем уже новичок. Изначальная Тьма, равно как и Изначальный Свет, – это всего лишь лики

природы, некие постоянные свойства нашего мира. Они не живые, они не обладают разумом. Просто издревле так повелось – олицетворять их, считать едва ли не богами. Но и Свет, и Тьма, и Сумрак – это всё равно как время или пространство, как движение и неподвижность... Им не служат: их принимают в расчёт, ими пользуются, их остерегаются... не более того. Вот и к Светлым следует относиться точно так же. Остерегаться и пользоваться. Правда, для начала тебе нужно научиться остерегаться... умение их использовать придёт позднее. Вот видел ты сегодня графиню Яблонскую. Каковы впечатления?

– Так просто и не скажешь, – не сразу ответил я. – Она не похожа на тех Светлых, что я встречал в столице. По манере обращения даже больше на Тёмную смахивает... не прикрывает вежливостью презрение.

Я помолчал, внимательно взглянул на доску – и на всякий случай перевёл коня поближе к своему королю.

– Да, графиня штучка особенная. – Дядюшка двинул в сторону свою ладью, отдавая мне пешку Только вот брать ли сей щедрый подарок? – Она гораздо умнее своего предшественника в одних вещах и гораздо глупее в других. Держит себя со Светлыми в точности как наша матушка-императрица. Кстати, если наше присутствие, Дневного Дозора, размещается здесь, в здании Тайной экспедиции, то присутствие Ночного расположено не в самом городе, а в пяти верстах к северу, в Журавино, в одном из имений графини. Если наши дозорные считаются служащими Конторы, то их – учителя и обслуга школы-пансиона, которую Виктория Евгеньевна основала на свои средства, едва перебравшись в Тверь. Между прочим, очень разумная придумка у неё. Ведь школа сия считается богоугодным заведением, вроде как детские приюты... и потому набирает она туда всякую босоту. Её люди выискивают ребятишек потолковее среди бедноты, среди нищих, бродяжек... есть и крепостные, которых она выкупает у владельцев. А догадываешься, по какому признаку ведётся отбор?

– Ищет детей с задатками Светлых Иных? – ухмыльнулся я.

– И это тоже, – кивнул дядюшка, – но таковых там всё-таки меньшинство, Иные – редкость.

Вновь я собрался спросить его – распознал ли он во мне задатки Иного ещё тогда, семнадцать лет назад, когда ездили мы с матушкой к нему в Туманный

Луг. И вновь не решился... сам не знаю отчего. Вместо того спросил:

– Так что же у графини за признак отбора такой?

– Она ищет детей, которых можно воспитать так, чтобы те становились помощниками Иных. Без магии, без умения нырять в Сумрак, но с такими характерами, которые присущи Светлым. Жажда мировой гармонии, мечта о Великой Цели, восторженность и бескорыстность... И, разумеется, ум. Когда детишки сии станут взрослыми, графиня соорудит им дворянство... что, как понимаешь, с её возможностями совсем не трудно... а после начнёт двигать на разные государственные посты. Да и не обязательно им оказывать постоянную протекцию... достаточно лишь дать начальный толчок, а там уж они и сами друг дружку поддержат. Таким образом она и надеется преобразовать Россию к лучшему, искоренить пороки, насадить добродетели... и сама не понимает, насколько всё сие неосуществимо. Тут графиня глупа. Но глупа она касательно конечных целей, а вот в методах – весьма умна. И в любом случае замысел хорош уже тем, что выращенным ею Светлым будет, на кого опираться. Причём чисто по-дружески, а не тратя драгоценную силу...

– Так она что, собирается открыть людям тайну Иных? – чуть не облился я чаем. – Это же строжайшее нарушение Договора! Инквизиция же взбесится!

– Она не настолько проста, племянничек. Про Иных, конечно, её питомцам сказано не будет... а вот про некое общество добрых людей, владеющих древними знаниями и вознамерившихся привести человечество к Свету... Понимаешь, к чему клоню? И ведь не прикопаешься. Масонские ложи – дело исключительно человеческое, к Иным отношения не имеет, под Договор не попадает... Слышал небось, как французский сочинитель господин Вольтер выразился о Творце? «Если Его и нет, то Его бы всё равно следовало придумать». Вот точно так же мы, Иные, можем о масонстве сказать. Полезнейшее изобретение!

Ничего столь уж нового в его словах не было. В Петербурге Харальд кое в чём тамошних масонов использовал. Иногда ведь попросить (или приказать) человечку из их среды бывает гораздо действеннее, чем швыряться направо и налево потоками силы. Впрочем, если наши столичные Тёмные лишь использовали петербургские ложи, то графиня Яблонская пошла гораздо дальше – собралась таковую ложу сотворить из ничего. Из уличной грязи, из отбросов!

– Откуда вы так хорошо знаете её планы, дядюшка? – задал я естественный вопрос. – Неужто смогли считать графинины мысли?

– Ага, считаешь их! – скривился дядя Яник. – У неё такая защита стоит, что мало кто из Высших одолеет. Но неужели думаешь ты, что Виктория Евгеньевна держит эти замыслы втайне от своих дозорных? А вот они – не Высшие, и не все даже первого ранга... и не все умеют держать язык за зубами, а мысли за костями черепа. Поэтому за долгие годы по обмолвочке, по крупиночке, по догадочке... сложил я всё это в чёткую картину.

– И что же дальше? В Инквизицию разве стукнуть?

– Я тебе стукну! – Дядюшка шлёпнул ладонью по столу так, что ферзь его подпрыгнул, а пешка с А5 сдвинулась на А4. Неохотно вернул он её на место. – Нам следует держать графинины придумки в строжайшей тайне. Ты даже не представляешь, племянничек, сколь красивую комбинацию тут можно построить! Шахматы по сравнению с этим – тьфу, жалкое подобие! И тебе я сейчас поведал лишь затем, что по-родственному доверяю. Ну и когда придёт время сию комбинацию разыгрывать, то и тебе отведена будет некая роль.

– Ладно, дядюшка, – двинул я правую ладью в дело. – С графиниными задумками, с мировыми идеями – тут всё понятно. А вот скажите-ка лучше, почему князя Корсунова проморгали? Он же с задатками Тёмного Иного! Почему до сих пор не посвящён?

– И не будет! – Дядя Яник вновь хлопнул по столешнице, на сей раз без ущерба для фигур. – Не бывать ему Иным, пока я тверской Дозор возглавляю. А чтобы лучше ты понял почему, просвещу тебя относительно Модеста Яковлевича. Очень любопытное, надо сказать, насекомое.

– Почему же вы не дали мне сведений на него наряду с прочей городской знатью? – задал я давно мучивший меня вопрос.

– Хотел, чтобы он оказался для тебя неожиданностью... то есть чтобы выводы твои были непредвзяты. Ибо мнится мне, что с князем этим тебе доведётся ещё пересекаться под острыми углами. Кстати, к большому сожалению, но тебе мат, – двинул он оставшегося своего коня совсем неожиданным для меня образом. – Зевнул ты, Андрюша, увлёкся... Ну да ладно, слушай внимательно.

Князь Модест Яковлевич Корсунов оказался родовитей некуда – по отцу он вёл своё происхождение от самого Рюрика, а по матери приходился дальней роднёй августейшей нашей династии. Помимо родовитости был он несметно богат – крепостных у него насчитывалось аж пять тысяч душ, имения раскиданы были и по Тверской губернии, и по Московской, и по Новгородской. Родился он в год восшествия на престол Елизаветы Петровны, женился же совсем недавно, лет шесть назад, да и с женой вышло весьма нехорошо. Сказать, что был Модест Яковлевич знатным кобелём, – это ничего не сказать. В усадьбе его, Старом Логу, имелся гарем из тридцати с лишним девок, но не брезговал он и дочерями соседей-помещиков. Если же соседи возмущались – могло случиться всякое. Нескольких недовольных он попросту выпорол, а обратившись в суд, бедолаги сами же и оказались виноваты. Причём этим, можно сказать, ещё повезло. Усадьбу дворянина Овсянникова он спалил дотла... Губернское же следствие установило, что возгорание приключилось в результате самовозгорания. Помещицу Соболеву, вступившуюся за честь юной своей воспитанницы, князь велел раздеть донага, обмазать дёгтем, обвалить перьями и в таком виде посадить в лодку без вёсел, пустить по реке. Зверушек также любил – помимо множества собачьих свор содержались на его псарнях волки и медведи... нравилось ему травить медведями непокорных. Иногда, после первой крови, зверя унимали, а бывало, что жертвы покидали сию скорбную юдоль. Следствие если и велось, то обычно устанавливало, что несчастный господин N. был разорван диким зверем во время охоты. На охоте же всякое случается.

Про то, что вытворял он со своими крестьянами и дворовыми людьми, нечего и говорить. «Я понимаю, – кипятился дядюшка, – дворню время от времени следует сечь... ну вот хотя бы как у Скудельниковых это заведено. Без этого ни порядка не будет, ни уважения к господину. Но кандалы-то зачем? Рогатки зачем? Дыба в подвале, прочие станки... У нас в Экспедиции таких устройств отродясь не было, какие он завёл!»

Жаловаться на князя бесполезно, поскольку и суд, и канцелярия генерал-губернатора, и полиция, и предводители дворянства – всё им скуплено оптом и в розницу. Жадностью Модест Яковлевич не страдал, щедро одаривал всех, в ком видел для себя пользу, а иногда, из широты натуры, – и тех случайных своих знакомцев, кто попал в бедственное положение. Имелись у него крепкие связи и в столице. Государыне он ежегодно посылал превосходные картины – имелся у него среди дворовых людей талантливый художник Родька, содержавшийся под замком в особо выстроенном для него флигеле.

Была у князя, между прочим, и боевая дружина – несколько десятков дворовых, обученных обращаться и с холодным, и с огнестрельным оружием... включая пушки-единороги. Среди этой оравы, по слухам, водились и настоящие разбойники-душегубы, которых Модест Яковлевич пригрел и обласкал.

Выходило, что князь мне не соврал – не занимая никаких постов в губернии, он, по сути, обладал властью немногим меньше генерал-губернаторской.

– Видишь, каков гусь? – подытожил дядюшка. – Понял уже, почему таких не берут в Иные? Вот представь, посвятим мы его, сделаем Тёмным. Что дальше? Думаешь, станет сей сумасброд держать себя в узде, соблюдать Великий Договор? Думаешь, станет он подчиняться дисциплине? Думаешь, Дневной наш Дозор будет ему указом? Равно как и Ночной, кстати. Между прочим, года три назад уже произошёл занятный казус. Князюшка обратил благосклонное своё внимание на школу графини Яблонской... восхитился благородством, пожертвовал две тысячи рублей сироткам... а заодно и решил за счёт этих сироток пополнить свой гарем. У графини же в школе дети обоего пола содержатся, причём в классах сидят вперемешку... странное нововведение, на мой взгляд, ну да не о том речь. В общем, велел он своим доверенным людям, Гришке и Сашке, выкрасть из школы нескольких девиц, не достигших ещё и пятнадцати лет. Что до самих Гришки с Сашкой, то обоим было под тридцать, пробы ставить негде... мало того что душегубы, так ещё и малолетних растлевали... из княжеских крепостных.

– И что же? – с неподдельным любопытством осведомился я.

– Неприятность с Гришкой и Сашкой случилась, – подмигнул мне дядюшка. – Волки их загрызли, когда ночью за девицами отправились. И это в июне, когда звери сии подальше от людей держатся! А за день до того Виктория Евгеньевна нанесла мне светский визит... Представляешь, сделала нежданный подарок – две лицензии оборотням. Оказалось, недоучли мы с ней когда-то! Подняла она свою цифирь, пересчитала – и выяснила, что за ними, Светлыми, должок. Знаешь, я не стал спорить и доказывать, что все прежние наши счёты верны тютелька в тютельку. Тотчас же отрядил в Журавино Петра Ивановича с Ефимкой, указал, кого грызть. Это у неё, понимаешь, сторожевые заклатья сработали... кто вблизи Журавино шастает со злым умыслом, о тех графине тут же становится известно. А вот поделать она ничего с ними не может, пока умысел не перешёл в прямое дело. Светлая...

– Ну ничего себе! – не нашёлся я что сказать. – Это выходит, что и они нами пользуются, когда им надо?

– Именно, Андрюша! Именно! И разве то плохо? Всё случилось ко взаимной выгоде. Графиня разделалась с негодяями, я же подкормил наших низших... а заодно и Викторю на крючок взял. Вот прикинь, если случится у нас со Светлыми большая война, то Инквизиция может и узнать про такой ход её сиятельства. Одобрят ли? Да мало что Инквизиция – другие-то Светлые как на это дело глянут? А ну как скажут: чужими зубами людей убила, с Тёмными сговорилась... развоплощаться тебе пора, матушка, почему ты до сих пор не в Сумраке? Али совесть не грызёт, как должно?

– Почему бы тогда князя Модеста нашим не скормить? – задал я вполне резонный вопрос.

– Ты разве не знаешь, что люди с задатками Иных из лотереи исключены? – удивился дядя. – Чему тебя в столице учили? Так что не вариант. А жаль. Я ведь, Андрюша, ещё пять лет назад пытался малость князя приструнить. Вызвал его в Контору... дескать, имеются сведения, что ваша светлость допускала нелестные выражения об особе государыни нашей Екатерины, и по сему поводу хотелось бы получить от вас должные объяснения. А он знаешь что?

– Что? – подался я вперёд.

– А он меня по мордасам! – хихикнул дядюшка. – Старца восьмидесяти трёх лет! И заявил, что если хоть какое шевеление с моей стороны будет, то он самому Шешковскому меня на съедение сдаст. Степан Иванович, дескать, с потрохами сожрёт, ибо многим ему, князю Модесту, обязан.

– И что же вы, дядюшка, с ним сделали?

– Да ничего особенного, – сокрушённо отозвался он. – Кликнул стражу, велел отвести его светлость в экзекуционный подвал и там как следует посечь. А после подчистил ему память. Не хватало ещё мне со Степаном Ивановичем разбираться... Не так это просто при нынешних столичных раскладах, если хочешь знать.

– Да, – вздохнул я. – Ну и чудище... обло, озорно...

– И лаает ещё, – поддакнул дядя Яник. – А магия у нас в России подчас куда слабее, чем власть денег. Ну вот ничего я с его светлостью поделать не могу, не нарушая Договор! И графиня не может! А если мы с ней стакнёмся и закроем глаза на нарушения, то обязательно же найдётся какая-нибудь сволочь из наших, стукнет в Инквизицию. Или из ихних... В общем, Андрей, теперь-то понял, кому вызов на дуэль послал? И упаси тебя Сумрак на этом поединке убить князя магией! Знаешь что, давай-ка от греха подальше поставим тебе запрет на любые магические воздействия. На ближайшие два дня. Ты уж прости меня, старика, но опасаюсь я твоей молодой горячности. Уж я-то, матёрый волк, и то едва сдерживаю себя, чтобы крокодила сего не испепелить... что уж говорить о тебе. А вот в Сумрак нырять можешь, это не возбраняется... только людей не смущай.

Впрочем, не уверен я, что сей поединок вообще состоится.

Глава 9

Он состоялся, но совершенно не так, как я рассчитывал. Да и линии вероятности на ближайшие сутки выходили какие-то мутные. Вроде бы и не грозило мне ничего серьёзного, а вроде и было от чего встревожиться.

Но тревожиться я не стал, а вернувшись пешком из Конторы в свой свежкупленный домик, разогрел в печи вчерашние щи, похлебал и завалился спать. Человек мой Тимошка, видно, всё ждал меня в возке. Неудобно даже как-то получилось. Будь я Светлым – потянулся бы к нему заклатьем «толстый намёк», и того осенила бы мысль: незачем попусту ждать барина, лучше вернуться домой. Но я Тёмный, я магией зря не разбрасываюсь, и судьба лакея не шибко меня волнует. Не в лесу же диком, не в лютый мороз, не в бурю... Перетопчется.

Снилась мне полнейшая фантасмагория. Будто бы глава Светлых, графиня Виктория Евгеньевна, вышла замуж за князя Модеста (которой, получается, станет она у него женой? Похоже, без дробей тут не обойтись), и в церкви Всех святых происходит венчание. Таинство совершает почему-то оборотень Пётр Иванович, а в подружках у невесты секунд-майорша Прасковья Михайловна, которая каждому вручает солёный огурец, будто свечку. Виктория Евгеньевна в

белой фате, как и положено, но почему-то с чёрным траурным крепом, а жених, Модест Яковлевич, поверх виц-мундира нацепил кожаный фартук, в котором ходит у нас в Конторе палач Игнашка. Граф Иван Саввич Сухоруков стоит рука об руку со статским советником Януарием Апполоновичем Стрыкиным, и оба они, временами сливаясь до неразличимости, поздравляют молодых. И повсюду – на полу, на стенах, даже на куполе – растёт синий мох. Шевелится, топорщит свои тонкие ворсинки, будто колышет его лёгкий ветерок. Потом в церковь врываются медведи из княжеской своры и начинают всех без разбору калечить, и я, не жалея магической силы, луплю по ним заклятием «Серп и Молот», но в ошейниках у медведей вшиты защитные амулеты, и отчаянно визжит под медведем девица Катенька Самарцева. Графиня Яблонская (или уже княгиня Корсунова?) делает мужу язвительные замечания, а потом, поддерживая спадающие штаны, входит крепостной мальчик Алёшка Кошкин и ломающимся голосом грозит медведям: «А ну, не баловать! Вам на то лицензия не выписана!» Медведи в ужасе разбегаются, причём это, оказывается, и не медведи вовсе, а лепестки роз – белые и тёмно-красные, и всё бы ничего, но вместо медведей появляется чёрный слон, пол трясётся от его топота...

От топота я и проснулся на рассвете. Сквозь оконные стёкла сочилась зябкая серость. Нет, не чёрный слон это был, а всего лишь Тимошка, явившийся наконец домой – причём мертвецки пьяный. Видно, слишком слабое наложил я тогда на него заклятье.

– Добрый человек угостил! – нагло глядя мне в глаза, объяснялся он. – Вот скажи, барин, как можно было побрезговать, если добрый человек, да от всей души! Я же не выпивал, ты пойми, я угощался! Понимай разницу!

Глядеть на него было жутко. Штаны в грязи, левый рукав армяка порван так, что никакой портной не залатает, волосы слиплись в бесформенный ком, под правым глазом внушающий уважение синяк.

Удивительно, но лошадей и возок он не пропил. Пропил он только сбрую.

– И как только кони не разбежались? – вздохнул я.

– Не разбежались, потому как я слово знаю тайное, чародейское! – важным тоном сообщил Тимошка. Врал, конечно.

Сечь его сейчас было совершенно бессмысленно. Но и вновь ложиться спать тоже глупо – очень скоро прозвонят к обедне, воскресный же день, и надо идти в храм. От всех служащих Тайной экспедиции дядюшка требовал этого неукоснительно. Как от людей, так и от Иных. Потому что иначе пойдут совершенно ненужные шепотки, могущие обернуться неприятностями лично для Януария Аполлоновича. То есть уже для графа Ивана Саввича.

«Ох, и лютует же новое начальство, – то и дело страдальчески заявляли сотрудники из людей. – Вот при Януарии Аполлоновиче такого не было!» Сотрудники из Иных сочувственно кивали, а после, при своих, гомерически ржали.

На службе я стоял сонный, мысли мои текли вяло, сквозь Сумрак не смотрел, цветки чужих душ не разглядывал, хотя обычно, выстаивая обязательные обедни, только тем и развлекался. Потому даже вздрогнул, когда после отпуска тронул меня за плечо неприметный серый человечик и, низко поклонившись, прошептал на ухо:

– Велено передать слово в слово! Роща у левого поворота на третьей после городской заставы версте Санкт-Петербургского тракта. В восьмом часу пополудни. На шпагах.

А потом как-то быстро ввинтился в толпу прихожан и растворился в ней. Можно было, конечно, его поймать и хорошенько расспросить, но я предпочёл не дёргаться попусту. Человечек явно не врал – что заставили вызубрить наизусть, то и передал. Но вместе с тем веяло от его слов какой-то закавыкой, словно что-то важное подразумевалось, но не высказывалось.

Впрочем, разберусь на месте. Не бояться же мне каких-то там князишек! Мало ли что от Рюрика род свой ведёт! А я так прямо от Адама!

...День прошёл ни шатко ни валко. После службы я плотно пообедал в трактире на Мироносицкой – надеяться, что Тимошка дома сготовил какую-нибудь еду, было бы крайне опрометчиво. Погулял пешком по улицам, наслаждался расцветанием природы. Особого расцветания, впрочем, не было – снег повсюду стоял, кое-где уже пробивалась трава, но более всего бросалась в глаза грязь. Жёлтая, серая, бурая, чёрная – и тончайшие сочетания этих цветов. Пожалуй, в нашем мире грязь играет ту же роль, что и синий мох на первом слое Сумрака.

Как сказал бы в Корпусе математик Нил Ильич, «является общим знаменателем всего».

Потом всё же вернулся я домой и обнаружил там дрыхнувшего Тимошку. Будить его, распекать и наказывать было бесполезно, пусть уж проспится как следует. Во дворе поупражнялся я со шпагой – с тех пор как пришлось мне уйти из полка, нечасто приходилось этим заниматься, потому стоило оживить навыки. Тем более неизвестно ещё, каков князь Модест в деле. Вполне может оказаться серьёзным противником.

Потом пришлось мне повозиться на конюшне, покормить и напоить коней (дополнительное лыко в Тимошкину строку), проверить, что осталось от упряжи. Оказалось, не всё так уж трагично... если не считать того, что возок мой и по сию пору кукует невдалеке от особняка графини Яблонской. Видимо, отправившись с «добрым человеком» в ближайший кабак, Тимошка возвращался к возку лишь с тем, чтобы снять и пропить вожжи, уздечки и хомуты. Ох, ещё ведь и забирать экипаж оттуда придётся... Всё зло от крепостных!

Во всяком случае, для верховой езды сбруи хватало. Я оседлал Уголька – и потащился в дом досыпать. К вечеру надо быть бодрым.

Проснулся я вовремя – солнце уже ощутимо клонилось к горизонту, карманный брегет мой показывал четверть седьмого. Пора было перевестись с князем Корсуновым. Но прежде чем выехать, я потратил несколько минут на то, чтобы написать записку. Сложил из бумаги конверт, запечатал воском и, обнаружив в сенях мающего с похмелья Тимошку, вручил ему послание.

– Еду по срочному делу. Если не вернусь к полуночи, утром отнесёшь это в дом графа Ивана Саввича Сухорукова. Понял? Граф тебя, может, гривенником наградит.

Или плетью. Но об этом я Тимошке говорить не стал.

Выехав за ворота, я слегка подстегнул коня. Не то чтобы боялся опоздать – место ведь не столь уж и далёкое, рысью гнать не более получаса, – но хотелось проветрить перед боем голову.

Интересно, возмутится ли князь, что прибыл я без секунданта? А если и возмутится, то плевать. Дуэльный кодекс такое хоть и со скрипом, но позволяет, а обратиться мне в городе пока не к кому, если, конечно, не считать дядюшку. Да и было бы к кому... зачем попусту человека подставлять под уголовное наказание? Когда откроется следствие об убитом на поединке князе, то меня дядюшка уж как-нибудь выручит... но вряд ли расстарается ради обычных людишек. Мы же не Светлые, мы не в плену у химер разума...

А убить подлеца Модеста я положил себе твёрдо. Редко кто за последние годы вызывал у меня такую холодную и чистую, как родниковая вода, ненависть. Дело вовсе не в его похождениях, которые вчера подробно пересказал мне дядя Яник. И даже не в том, как он оскорблял меня на балу у графини. Просто я всеми фибрами души ощущал: нам с ним на одной планете тесно.

Солнце уже коснулось верхушек дальнего леса, когда я приблизился к условленному месту. Спешился, привязал Уголька к стволу одиноко стоящей возле обочины ёлки и двинулся дальше через поляну, к роще. Та оказалась берёзовой, летом наверняка здесь благодать... шумят кронами белые красавицы, а меж стволами их россыпью алеют капли земляники. Птички небось выводят свои рулады, кузнечики звенят... девушки собирают ягоды и плетут венки...

Но сейчас не время для земляники и всего остального. Сейчас тут в низинах серел не растаявший снег, чёрные берёзовые ветки тянулись в рыжее пламя заката, валялся повсюду сухой валежник, под ногами пружинили полусгнившие прошлогодние листья. И тишина... если не считать свиста холодного ветра, давящего мягкой ладонью мне в спину.

И никаких признаков князя. По моим расчётам, он должен тут быть с толпой приближённых, с каким-нибудь напуганным соседом-помещиком, которого назначил себе в секунденты, с лекарем... не говоря уже о прислуге. Но тихо, пустынно. Запаздывает? А что, с него станется. Наверняка решил, пусть поручик тут поскучает в одиночестве, понервничает... всегда полезно, когда противник даёт волю нервам.

Нет уж, нервничать я не буду. Но когда князь соизволит всё же появиться, изображу всяческое возмущение. Пусть думает, будто я весь на нервах. Всегда полезно, когда противник так думает.

Я прислонился к толстой старой берёзе, прикрыл глаза. Старший мой сослуживец в полку, капитан Бортников, учил: перед боем нужно «настроиться на пустоту», то есть выкинуть из головы все мысли про то, что было и что будет, все сожаления, опасения, мечтания... «Когда ум твой освободится от лишнего, то сможет отражать происходящее... в точности как зеркало, очищенное от пыли. А тогда и телом твоим управлять он будет сообразно обстановке». За пять лет не раз довелось мне убедиться, насколько же он прав.

Мне представился Николай Аристархович Бортников – коренастый, черноглазый, с острыми скулами: видать, сказала татарская кровь. Приветливая улыбка: «Ну, за встречу, брат Андрей!» А потом сразу – будто поверх одной карты шлёпнули другую – его ускользающий в сторону взгляд, пальцы, трущие пуговицу мундира. «Пожалуй, Андрей Галактионович, это будет для тебя наилучшим исходом... Подавай прошение на высочайшее имя... Ну, ты же сам всё понимаешь... и прямо сказать, все офицеры тоже так думают». А когда его взгляд всё же на мгновение пересекается с моим – то и не поймёшь, чего в нём больше, жалости или презрения.

Вот тебе и освободил ум от всего лишнего! Вот и превратил его в зеркало! Когда сверху упало на меня что-то тяжёлое и мягкое, я целую секунду по-дурацки хлопал глазами и силился вернуться в действительность. Видимо, этой-то секунды и не хватило, чтобы скинуть с себя нежданный груз, отскочить, выхватить шпагу... А потом уже оказалось поздно.

Они даже связывать меня не стали – просто вlepили по затылку длинным и узким мешочком с песком, и когда я пришёл в себя, то обнаружил, что лежу на спине, на ноги мне навалено тяжеленное бревно, и точно такое же – на вытянутых назад руках. Шпага валялась справа шагах в десяти, но даже будь она совсем рядом – под брёвнами я беспомощен, как поросёнок, которому вскоре надлежит стать колбасой.

Эти двое даже лиц не закрывали – плохой, очень плохой признак. Одеты оба по-мужицки: тот, что постарше, – с редкими светлыми волосами, с кривым носом, с маленькими, утопленными глубоко серыми глазами. Тот, что помоложе, – русоволос, борода лопатой, на мочке уха засохшая болячка.

– Очухался, ваше благородие? – хихикнул молодой. – Что глазами-то лупаешь? Удивляешься, где же его светлость? А они слишком заняты, чтобы лично с тобою возиться, господин Полинский. Нас вот попросил тебя встретить, подсобить... Ну

и подсобили... Сейчас будет тебе поединок, сейчас супостат твой и появится. Слышь, колёса стучат... скоро уже...

– Кончай языком мести, Архип, – буркнул старший. – Делай что приказано и болтай поменьше.

– А я и делаю, дядька Степан, – возразил младший. – Не бойсь, их благородие уже никому ничего не расскажет. Сейчас...

Он отошёл в сторонку, пропав из виду, и тотчас появился снова. Положил мне что-то на грудь. Видеть я не мог, но по запаху сразу понял, что это такое. Сырое мясо, слегка тронутое гнильцой.

– Вроде как приманка, ваше благородие, – словоохотливо пояснил Архип. – Чтобы, значит, супостата к вам привлечь. Голодный он, супостат, а тут и мясца-то всего ничего. Фунта два будет... Ему это на один, как говорится, зуб.

– Подъехали, – негромко сказал дядька Степан. – Сейчас приведут.

И впрямь, услышал я тяжёлый перестук колёс, ржание коня, чью-то приглушённую ругань, звон железа. А потом, чуть приподняв голову, смог и увидеть новое действующее лицо.

Медведь показался мне огромным – встав на задние лапы, он башкой мог бы подпирать потолок. Аршина четыре будет. Но сейчас шёл он на четвереньках, не спеша, а справа и слева удерживали его на цепях невзрачные какие-то мужики.

– Ну, всё, благородие, прощевай, – заливисто рассмеялся Архип. – Нам пора, мы своё дело сделали. Сейчас робята зверю цепи-то отстегнут, ошейник симут, и после поедем мы докладывать князю, как ты с супостатом биться будешь. Хошь плюнь в него, хошь дунь, хошь по-немецки ругай, хошь по-французски... А ежели тебя кто и найдёт объединенного, то так и решат: погулять решил господин Полинский, а вот на тебе – мишка невесть откуда взялся. Верёвок на тебе нет, брёвнышки мы потом сымем, значит, получается у нас несчастливый случай. А ты жди, жди супостата, да помни, каково оно – поперёк его светлости переть.

– Всё, хватит! – велел дядька Степан. – Ступай к повозке, а вы, парни, сымайте уже цепи. Да не бойтесь, вы мишке не потребны, он сейчас на вкусный запах поскачет.

И что мне было делать? Никаким заклятьем я воспользоваться не мог и ещё целые сутки не смогу. Дядюшкина предусмотрительность, чтоб его! Вот уж подкузьмил так подкузьмил! Можно, конечно, нырнуть в Сумрак... тень свою я в любом положении вижу. Но если нырну – княжьи люди увидят, как я исчез. На завтра об этом будет знать весь город, и Дозор наш оскандалится. Впрочем, плевать, жизнь дороже. По всему видно, что подобную штуку злодеи вытворяли не единожды... мишка наверняка тоже обученный, проверенный в деле. Стало быть, знают, что ничего поручику Полинскому не светит. «Абсолютный нуль», – выразился бы учитель арифметики Нил Ильич.

А кстати: что, если на первом слое Сумрака брёвна на мне останутся? Нырять глубже? Да хватит ли у меня сил проникнуть во второй слой? Я и в лучшие времена ходил туда нечасто... всё равно как, донырнув до речного дна, оставаться там, на глубине... выталкивает же вода. Дядюшка небось и до четвёртого слоя ходить может, а Харальд и до пятого, но они-то Иные старые, накопившие изрядно силы... не говоря уж об опыте.

Впрочем, некогда рассуждать – пора действовать. Косолапый супостат подобрался вплотную, ощутимо пахнуло вонью. Маленькие внимательные глазки уставились на меня, грязно-бурая шерсть на загривке вздыбилась. Тварь, похоже, не особо спешила – видимо, понимала, что никуда от неё добыча не уйдёт.

А вот шиш тебе! «Постарайся выжить!» – прошелестел в голове тихий голос. Завет следовало исполнить. Я нашёл – не глазами, а внутренним чутьём – свою тень, начал было уже тянуть на себя... и отпустил.

Потому что прямо над ухом моим – так, во всяком случае, мне показалось – что-то звонко хлопнуло. Медведь взревел, поднялся на дыбы, оскалил пасть – и медленно, невероятно медленно стал заваливаться на спину. Из уха его тугой струёй брызнула тёмная, почти чёрная кровь. Тут же послышались новые хлопки – поверх голов убегающих к тракту дядьки Степана и молодого Архипа. Те двое, что привели медведя, далеко их опередили. Выстрелы следовали один за другим, и я, вместо того чтобы думать о главном, задался совершенно излишним сейчас вопросом: как стрелку удаётся так быстро перезаряжать ружьё? Или их,

стрелков, много, и палят они почти одновременно?

Но стрелок всё-таки был один. Несмотря на то что солнце уже завалилось за горизонт и сразу сгустились тени, я очень хорошо разглядел его.

Юноша. Лет, должно быть, семнадцати, рост чуть выше среднего, на загорелом лице заметно выделяются скулы, прямо как у капитана Бортникова. Коротко стриженные чёрные волосы зачёсаны назад, в глазах, похожих на греческие маслины, спокойное дружелюбие.

Одет он был не то чтобы диковинно, но сразу и не поймёшь, простолюдин или из благородного общества. Широкие синие штаны заправлены в короткие, не выше голени, сапоги, покрой тёмно-зелёной куртки странный, отдалённо смахивающий на мундиры фельдъегерей. Голова голая, без шапки. И в руках английский штуцер, оружие точного боя, но уж больно долго заряжаемое.

– Минутку, Андрей Галактионович, – голос, похоже, не слишком давно сломался. – Сейчас освобожу вас от гнёта прискорбных обстоятельств.

И тотчас оба удерживавших меня бревна плавно поднялись в воздух, отлетели саженой на пять и тяжело плюхнулись в груды прошлогодней листвы.

Я с трудом приподнялся, сел. Голова кружилась, перед глазами мелькали цветные пятна, ныли отдавленные ноги. Но первое, что я сделал, – взглянул на своего спасителя сквозь Сумрак. Ну да, так и есть. Судя по цветку души – Светлый. И ранг по меньшей мере второй, вон как полыхают лепестки!

– Сейчас легче будет, – участливо произнёс он, и тёплый воздух на пару мгновений коснулся моего тела... точно огромный невидимый пёс облизал горячим языком. Стало и впрямь легче. Да что там легче – боль в ногах вообще исчезла, руки ещё слегка ломило, но вскоре и они сделались как раньше. Как до бревна.

– Ну и перед кем у меня образовался долг, Светлый? – хмуро спросил я. Ох, не нравился мне такой расклад. Бесплатный сыр, учил меня ещё Александр Кузьмич, бывает только в мышеловке.

– Да какой там долг, что вы, в самом деле, Андрей Галактионович? – Юноша, похоже, удивился совершенно искренне. – Просто Виктория Евгеньевна распорядилась проследить, чтобы ваш с князем поединок прошёл по правилам. Поскольку вызов случился в её доме, то она сочла себя в некотором роде обязанной принять участие. А зная непредсказуемый нрав князя Модеста... в общем, я тут в Сумраке давно уже сидел, смотрел... Ну и вмешался ровно в тот момент, когда стало совершенно ясно, что слуги князя не просто собрались вас напугать, а и в самом деле покусились на жизнь.

– А что ж не магией? – хмыкнул я.

– Графиня не одобряет применение волшебства там, где можно действовать обычными человеческими средствами, – доброжелательно пояснил Светлый. – К тому же у людей не возникает ненужных подозрений...

– Обычными, говоришь? – Мне стало любопытно. – Дай-ка сюда ружьишко... Так... Занятно...

На вид штуцер был как штуцер. Разобрать бы его до мельчайших деталей, да слишком темно...

– Ну, почти, – немножко смутился юноша. – Тут наложено заклятье «скорострел»... и пули в нём не кончаются. Но люди же всего этого не заметили, верно?

– Верно, – признал я. – Как звать-то тебя, спасатель?

– Костя, – улыбнулся он. – Надеюсь, ещё свидимся. Да, чуть не забыл: графиня велела вам передать, что князь Модест – не из тех, к кому можно поворачиваться спиной. У него не вышло сейчас, но он не оставит попыток расквитаться с вами. Посему будьте настороже.

Он повёл рукой – и полыхнула, заискрилась перед ним всеми цветами радуги спиралевидная воронка. Отвесив в мою сторону лёгкий поклон, Костя шагнул в неё – и растворился в темнеющем воздухе.

А я подобрал шпагу и, обогнув медвежью тушу, направился к исстрадавшемуся Угольку. Небось тот учуял запах зверя.

И уже вскочив в седло, я рассмеялся. Всё вдруг сложилось, разноцветные стёклышки сошлись в мозаику. Как изящно, оказывается, можно решить головоломку, над которой я безуспешно бился столько дней! Радуйся, дядюшка, теперь я знаю, как выполнить твоё задание. Спасибо медведю!

Глава 10

Трактир на Никольской – заведение средней руки. В основном публика там мещанская – мастеровые, приказчики, мелкие торговцы, отставные солдаты. Но и мужика отсюда не прогонят, если зайдёт глотнуть чарку хлебного вина, и благородное сословие не столь уж редко заглядывает. Правда, для изысканного общества тут отдельная, чистая зала. По стенам развешаны гобелены, полы тщательно отдраены и для аромату побрызганы каким-то настоем трав. По крайней мере запах жареного лука отбивает напрочь.

Мы с Терентием Львовичем сидели за отдельным столиком, половой только что принёс нам наваристого борща с телятиной, в свой черёд подаст и бараний бок с кашей, и маринованную с чесноком стерлядь, а если осилим, то и молочного поросёнка сгрызём. Ну и конечно, стояли тут холодные закуски – солёные рыжики, квашеная капуста, бочковые огурчики... может быть, и похуже, чем у Прасковьи Михайловны, но на мой вкус очень даже ничего. Само собой, графинчик с водкой, настоянной на корешках хрена и смородиновых почках. С ледника, запотевший.

Душевно мы говорили с отставным секунд-майором. Обсуждали и виды на урожай, и местного благочинного отца Георгия, и строгость нравов, насаждавшихся директором училища господином Полуэктовым (Терентий Львович одобрял), и вызывающие манеры графини Яблонской (Терентий Львович осуждал). Всё было интересно заезжему московскому помещику Павлу Ивановичу Уточкину, путешествующему из старой столицы в новую, дабы вступить там во владение наследством покойной тётушки – домом, выездом, полусотней душ дворни и кое-какими ассигнационными бумагами. А Терентию Львовичу было чрезвычайно приятно просвещать о тверских порядках нового

своего знакомого. Так бывает – сводит фортуна с заезжим человеком на час, на два, и проникаешься к нему необъяснимой симпатией. Павел Иванович таковую симпатию вызывать умел.

Павлом Ивановичем – толстым, широколицым, носившим старомодный парик – был я. Личину накладывал сам дядюшка, не доверив столь тонкое дело мне, малоопытному.

– Тут ошибок быть не должно! – внушал он, потирая указательным пальцем свой сабельный шрам. – Всё следует продумать, всё должно друг другу соответствовать – и лицо, и телосложение, и голос, и походка, и запахи. Ни малейшей червоточинки допустить нельзя. Дурачок Терентий, конечно, ничего не заподозрит, но что, если рядом случится какой-нибудь Иной? Не важно даже, Тёмный или Светлый. Поэтому ничто не должно выбиваться из образа, и ни малейшего дыхания магии! Имей в виду, опасны не только Иные, но и обычные люди, особо наблюдательные или чувствительные. Ни в коем случае нельзя нам допустить, чтобы впоследствии пошли разговоры, мол, странный какой-то был этот господин Уточкин. Нет, Андрюша, господин Уточкин должен быть самый что ни на есть обычный. И даже настоящий.

Это он имел в виду, что таковой помещик, такого возраста и такой внешности, Тёмный Иной седьмого ранга, в Москве и впрямь обретался и кое-чем обязан был дядюшке. Так что ежели кому-то потом захочется проверить, то ему охотно подтвердят: есть такой, и столичная тётка его и впрямь заставила себя уважать. Только вот случилось сие ещё в январе, да и наследства там едва наскреблось на четыреста двадцать рублей. Но такие тонкости уж точно никто копать не будет.

Когда навернули мы борща под водочку, когда отдали дань вкуснейшей запечённой с овощами баранине и запили её водочкой же, когда принесли нам тушённых в сметане карасей, Павел Иванович откинулся на обитую свиной кожей спинку стула и мечтательно произнёс:

– Хорошо-то как... в желудке прямо райские кущи. Верно, Терентий? А знаешь что? Не сыграть ли нам по маленькой? Буквально по копеечке? Что больше любишь? Рокамболь, вист, «перечницу»?

Знал, знал этот коллежский регистратор, какие струнки зазвенят в душе секунд-майора! Водка без картишек – деньги на ветер. Даже если это и деньги случайного знакомого.

И тотчас мы велели подать запечатанную колоду.

– Не торопись, – внушал мне накануне дядюшка. – Дай ему созреть. И фортуна за время игры должна перемениться несколько раз. И не предлагай отыгрываться, даже отнекивайся... так, вяло, для виду. Пускай всё сам... чтобы зрители убедились. Имей в виду, тебе будет сложнее, чем когда наследство продувал. Там я тебе помогал, а тут надейся сам на себя.

Хотелось мне сказать ему: «не учи учёного», но я сумел всё-таки придержать язык.

Колоду перетасовал Терентий Львович, пальцы его двигались быстро, водка не успела ещё сказаться. Опытный, видать, игрок... хотя и неудачливый.

Начали мы действительно с копеечки, и эту медную копеечку я у секунд-майора быстро выиграл. Впрочем, столь же быстро он её отыграл. И затем на кон поставили мы уже по гривеннику, причём свой я быстро продул.

– А что, Терентий, похоже, в картах ты дока, – хохотнул господин Уточкин. – Как бы не раздел меня догола! Ежели случится таковое, ты уж с меня выигрыш сразу не взыскивай, мне ж ещё в Петербург надо. На обратном пути верну, с тёткиным-то наследством. А для верности вексель тебе напишу! Долг чести же! Истинный дворянин такие долги платит, хоть закон его к сему и не понуждает.

Ставки постепенно росли, графинчик понемногу пустел, но очень понемногу – тут я следил. Терентий Львович не должен окосеть раньше времени, да и после пускай выглядит лишь малость поднабравшимся. Нельзя, чтобы пошли разговоры, дескать, не в своём уме был. В своём, непременно в своём!

– Дело, Андрюша, серьёзное, – вчера в дядюшкином голосе звучала неподдельная озабоченность. – Может, я и на воду дую, но лучше побережься. Поэтому заклятий никаких не применяй. Никто не должен уловить ни малейших колебаний Сумрака. А работать будешь исключительно с артефактами.

Что ж, в этом был резон. Обычно ведь магию мы чувствуем по колебанию Сумрака, откуда Иной черпает силу, а тут уже ничего не колеблется, давным-давно отколебалось и успокоилось, теперь артефакт потихоньку разряжается, и обнаружить его можно только особыми, довольно тонкими заклятьями. И то если заранее знать, что ищешь. А случайно заметить – никак.

– Всё равно боязно, – признался дядя. – Очень мне не нравится недавнее приключение твоё в берёзовой роще. Выходит, есть у графини к тебе некий интерес, уж коли человечка своего отрядила тебе в охрану. Причём не абы кого, а мага второго ранга...

– Такой юный – и уже второй ранг? – хмыкнул я.

– Может, уже и на первый вытянет, – огорошил меня дядя. – Удивительно способный мальчик. Завидно, что не я его отыскал. Такие мальчики, знаешь ли, на дороге не валяются. Хотя этот Костя как раз и валялся. Нищий он был, представляешь? Из государственных крестьян... дом сгорел, родители в дыму задохнулись... в живых остался только дед старый... а мальчонке тогда семь лет было, и повезло ему – у крёстного ночевал. Ну и пошли они с дедом по дорогам милостыню просить...

– Беглые, значит? – уточнил я.

– По закону так, – подтвердил дядя. – Только никто их не ловил. Сам подумай, ну кому они нужны – малец и дряхлый дед! В общем, скитались три года, потом дед помер, удар случился. Под Рождество, близ Торжка, на тракте. А мальчонка обхватил его, окоченевшего, и вместе с ним замёрзнуть решил. Отчаяние накатило! Эх, будь я там в ту минуту! Тотчас бы велел ему тень свою поднять, в Сумрак втащил, и был бы теперь у нас в Дозоре превосходный маг первого ранга! Но иначе вышло. Графине он на пути попался, ехала она проведать дальнее своё имение, Колываново... В общем, подобрали мальчонку, обогрели, накормили, утешили... и взяла Виктория Евгеньевна его к себе в школу. А как оттаял Костя душой, как захотелось ему вновь жить – тогда и посвящение ему устроила. В Дозоре с четырнадцати, первый ученик... а главное, воспитали его как истинного Светлого. Заметь, медведя он завалил, а людей не тронул, намеренно поверх голов палил. Не уверен я, что сама графиня, случись она там, была бы столь милосердна. Умерщвлять, может, и не стала бы, а заклятья сурового не пожалела бы. Горячая у неё кровь, польские корни...

– Откуда вы эту историю с такими подробностями знаете? – удивился я.

– Эх, Андрюша, – рассмеялся дядюшка, – тут тебе не Петербург. Тверь – город маленький, Иных не много, все бок о бок трёмся, и Тёмные, и Светлые. Враждовать, конечно, враждуем, но давно уже как следует не дрались. Так что историю сию мне сама же Виктория Евгеньевна и рассказала, как-то за партией в шахматы. Играет она, кстати, слабенько... даже хуже тебя, – подпустил он шпильку в моей адрес. – Но это в шахматах, а в жизни старуха довольно лукава... Вот и беспокоит меня её забота о тебе. Вряд ли из одного лишь благородства... Костенька, конечно, в это верит... знал бы он хотя бы десятую долю графининых хитростей... Я, кстати, тебя тщательно проверил, сразу же как ты наутро с докладом ко мне явился. Не обнаружил следящих заклятий... но хоть мы с нею и оба Высшие, а неизвестно ещё, кто сильнее. Может, навесила тебе такое, что и мне недоступно...

– А если так, что же делать? – скривился я. Очень не радовало меня быть у старухи «под шляпою», как называл это Харальд. Если оно так – это значит, в любой миг подсмотреть может? И когда я в Сумрак ныряю, и когда в нужнике с расстёгнутыми штанами сижу, и когда с какой-нибудь пылкой местной бабёнкой на перинах кувыркаюсь?

– А что тут поделаешь? Жить, – просто ответил дядюшка. – Если у супостата сила запредельная, с которой тебе вовек не сравниться, – значит выбрось его вообще из головы и живи как живётся. Там, где ты ничего не можешь, ты не должен ничего хотеть. И это не столь уж трудно. Привыкнешь. Вспомни давние времена, когда был ты обычным человеком и в Господа веровал. Знал же, что ежесекундно надзирает Он над тобой... и что? Меньше от того проказил?

– Может, и меньше, – хмуро возразил я. – И потом, то ж Господь, Он милосердный, Он простит... если вовремя покаяться... А тут графиня. Сравнили ежа с волком...

– Милосердный, но справедливый, – напомнил дядя Яник. – И наказать ещё как может! Во всяком случае, ты же именно так и верил, да?

– Верил, – вынужденно согласился я. – А вы, дядюшка, сейчас совсем не веруете? Там, в столице, некоторые наши всё же молились Богу... Викентий, Марфа Семёновна... Иные ведь, и обучение проходили, как и я. Всё то им про химеры

разума говорили, что и мне. А вот верят же!

– Есть, Андрюша, вещи, которые не следует копать слишком глубоко, – нахмурился дядюшка. – А то и правды не доищешься, и вкуса жизни лишишься. И потому вернёмся на первое... то есть к нашей несравненной Виктории Евгеньевне. Будем исходить из того, что её заклятий на тебе пока нет. Но это пока... Будем проверяться ежедневно и следить, чтобы не наследить... Поэтому, пока Алёшка в Дозоре нашем не окажется, поменьше вообще твори заклятий. Артефактами я тебя снабжу, запасец накоплен немалый...

Сейчас один такой был вшит за подкладку моего камзола. Вернее, одна такая. Потрёпанная карта, дама пик, проколота в нескольких местах иголкой. С помощью этой дамы я мог любую партию свести и к своей победе, и к поражению. Надо было всего лишь мысленно произнести «виктория» или «афронт». Произносить «виктория» я чуть опасался: вдруг всё-таки есть какая-то магическая связь между мною и графией, и услышит она, взглянет волшебным оком? Не то чтобы я всерьёз в такое верил, но каждый раз, когда призывал победу, сердце у меня ёкало.

А ставки меж тем росли, и ощутимо. Секунд-майор распалился, азарт завладел его умом безраздельно, и сейчас думал он даже не о прибылях и убытках, а только о самой игре. Очень ему хотелось поймать за хвост фортуны...

Уже не на гривенники шёл счёт и даже не на рубли – на золотые червонцы. И конечно, наша с Терентием Львовичем игра не осталась без внимания окружающих. В благородной зале не одни же мы были... Вот подсел к нам заинтересовавшийся письмоводитель из полицейской части на Никольской, вот уже крутится рядом обедневший помещик Носиков... зол он на секунд-майора, что на Масленице продул ему сорок рублей... и это замечательно! Свидетель, недоброжелательно настроенный к господину Скудельникову, очень полезен. Впоследствии будет убеждать общество, что игра происходила честно, честнее некуда.

Пока что шла она с переменным успехом. Сперва Терентий Львович продул мне аж двести рублей, потом с лихвой их отыграл и сейчас ставил в заклад своих лошадей. Но сие поползновение я пресёк.

«Никакого движимого и недвижимого имущества в заклад! – предостерегал меня дядюшка. – Такой заклад потом легче будет оспорить в суде, легче будет доказать, что сие было ставкой в игре. Только деньги! Только именные векселя! К тому же стоимость своего имущества Терентий будет оценивать на глазок, и непременно в сторону увеличения. Знаю я таких Терентиев! А стало быть, тем безвыходнее потом окажется его долг».

Затем, чтобы подбавить перцу в игру, я продул ни много ни мало домовладение питерской тётушки. Думал отыгаться, поставил её дворню – да спустил и её. Как истинный дворянин я немедленно выписал господину Скудельникову вексель. После чего мне вдруг повезло, и вексель был торжественно разорван в клочки. Повезло мне и дальше – когда секунд-майор поставил на кон аж целое имение Белый Ключ. Впрочем, вскоре Белый Ключ вернулся к владельцу... увы, ненадолго. Фортуна, доселе вертевшаяся перед ним, как уличная девка, то передом, то задом, в итоге повела себя как та же девка, не получившая обещанной платы.

Терентий Львович спустил всё. Абсолютно всё. Проигрыш был колоссален... проигрыш подобен был секире палача, отделяющей голову преступника от шеи. А ведь не раз предупреждал его Павел Иванович: может, хватит? Может, на сём и остановимся? И письмоводитель с господином Носиковым были тому свидетелями, и коллежский ассессор Матвей Антонович Самарцев (папенька той самой девицы Катеньки, с которой я отплясывал на балу у графини), и великовозрастный учащийся старшего класса Половников (которого за пребывание в трактире вообще-то следовало высечь... надеюсь, строгий смотритель училища господин Полуэктов примет соответствующие меры).

Но как ни увещевал Терентия Львовича новый его знакомец Павел Иванович, а желание отыгаться оказалось сильнее. Когда трефовый мой король покрыл жалкого его валета, несколько мгновений моргал он глазами, не в силах поверить случившемуся.

– Что ж, игра есть игра, – вздохнул Павел Иванович. – Надеюсь, Терентий, ты поступишь как истинный дворянин?

И доведённый до исступления истинный дворянин выписал мне соответствующий вексель. Разумеется, в сей бумаге ни слова не было о карточной игре, а говорилось лишь о том, что господин Скудельников обязуется выплатить господину Уточкину восемь тысяч триста сорок рублей ассигнациями,

некогда взятые им в долг. Для верности я попросил поставить свои подписи свидетелей – что те с огромным удовольствием и сделали, за исключением юного Половникова, сообразившего, что лучше ему в истории этой не мелькать.

– Пора мне, – поднялся из-за стола Павел Иванович. – Ехать надо, чтобы засветло на постоялом дворе в Медном остановиться. Ты не кручинься, Терентий, на обратном пути загляну, раскинем вновь картишки, может, и отыграешься. Сам видишь, фортуна то целует, то кусает... а то и вновь целует.

И, расплатившись с половым, московский гость направился к выходу. Разумеется, путешествовал он не в собственном возке – мы бы с дядюшкой замучились напускать морок на стольких людей, заставляя их увидеть несуществующих лошадей, кучера и лакея. Нет, куда разумнее, если господин Уточкин проделает путь из Москвы в Петербург на перекладных. Потому у трактира ждал уже его нанятый тарантас, щедро оплаченный извозчик тронул с ходу, и только стук колёс напомнил выбравшемуся на крыльцо секунд-майору о случившемся.

Для верности я и впрямь доехал до Медного, отпустил извозчика возле постоянного двора, а потом, улучив удобный момент, скользнул в Сумрак, не спеша дошёл до заранее присмотренного пустыря, где дядюшка открыл мне ведущие напрямик в Контору Врата. Путь занял больше часа и особого удовольствия не доставил. Видать, воображение моё разыгралось, и представилось мне, будто иду я в колонне каторжников, коих гонят на вечную работу в Сибирь. На ногах моих тяжкие кандалы, правая рука, как и у прочих разбойников, прикована к длинному стальному пруту, и в лицо лупит сырой осенний ветер. Хотя, может, и весенний... поди отличи, когда снизу грязь, а сверху муть...

– Что ж, полдела сделано, – ухмыльнулся дядюшка, выслушав мой доклад. – Теперь обождём пару недель, чтобы совсем уж никаких подозрений не вызвать. Заодно понаблюдаем за Скудельниковыми. Не наделали бы глупостей...

Сдала Прасковья Михайловна, сдала! Ещё недавно, когда мы с дядей Яником ходили смотреть Алёшку, та пребывала в полном соку, пятьдесят четыре года никак в ней не угадывались, выпускала она флюиды власти и уверенности. Теперь же это была самая настоящая старуха – прорезались морщины, поблёкли глаза, щёки уже не заливало былым румянцем.

Ну, ещё бы! Редко кто с лёгкостью перенесёт подобные укусы фортуны. Сперва – дотла проигравшийся муж, затем семейная сцена, во время коей Терентия Львовича разбил удар, и поныне он лежит в спальне бревно бревном, мычит и ходит под себя. И наконец – строгий господин Мураведов, стряпчий графа Аркадия Савельевича Розмыслова. Лет ему, стряпчему, немногим за тридцать, но голова почти вся лысая, на тонком носу – очки в английской оправе, бледные губы, пожалуй, и не знают, что такое улыбка... а глаза под очками как две льдинки: бесцветные и скучные.

Личину мы с дядюшкой обсуждали долго. Поскольку пользоваться лишней магией было бы опрометчиво, приходилось действовать сугубо человеческими средствами. Уж коли нельзя применять даже простейшее заклятье Подчинения, приходится уповать на лицедейство. Приехавший из столицы стряпчий должен быть холоден, неумолим, олицетворять собою бездушный закон и не оставлять секунд-майорше ни малейших лазеек. А значит, образ нужен совершенный. Образ – и умение в нём играть.

– По уму следовало бы мне самому сходить, – заметил дядюшка, – тут ведь посложнее дело, чем Терентия вчистую разуть. Прасковья и поупрямее, и бабье чутьё у неё дополняет нехватку ума. Но не пойду. Не мальчик уже, справляйся сам. А я буду на Тихой Связи, если что, подскажу.

И вот сейчас мы с Прасковьей Михайловной сидели в гостиной, стыл в моём стакане свежесваренный чай, сиротливо стояли нетронутые хрустальные вазочки с вареньями – вишня, земляника, малина, клюква. Белели на столе привезённые господином Мураведовым бумаги.

– Извольте убедиться, госпожа Скудельникова, – тон у стряпчего был малость скучающий, – вот заёмное письмо на имя дворянина Павла Ивановича Уточкина, написанное вашим супругом две недели назад в публичном месте и заверенное подписями свидетелей. Вот долговое обязательство господина Уточкина моему патрону, графу Аркадию Савельевичу, согласно которому господин Уточкин в счёт уплаты своего долга передаёт графу право на взыскание денежных

обязательств Терентия Львовича. Документ сей, как видите, тоже заверен подписями достойных уважения свидетелей. Посему граф Розмыслов имеет полное законное право взыскать с вашего супруга восемь тысяч триста сорок рублей ассигнациями. Вот моё свидетельство от графа, в коем подтверждено, что являюсь я стряпчим у него на службе и что поручено мне должную сумму с Терентия Львовича взыскать. Имеете ли, госпожа Скудельникова, сомнения по части бумаг? Желаете ли оспорить их подлинность? По закону вы такое право имеете, но не советую. Суд с лёгкостью установит истинность всех представленных документов, а судебные издержки лягут на вас. Немалые издержки, замечу...

– Я женщина простая, – промокнула глаза батистовым платочком Прасковья Михайловна, – в крюкотворствах этих не разбираюсь. За что ж мне горе-то такое! – вскричала она. – За что, Господь, караешь?

– С этими вопросами, госпожа Скудельникова, обратитесь к своему духовному отцу, – возразил стряпчий, – а мне хотелось бы знать, намерен ли Терентий Львович оплатить положенную сумму, или же придётся графу обращаться в суд с ходатайством об аресте всего движимого и недвижимого имущества. Напоминаю вновь о судебных издержках.

Браво, Андрюша, – прошелестел по Тихой Связи дядюшка. – Насчёт судебных издержек это ты хорошо загнул. Это для старухи весомый довод.

– Да вы ж знаете, – жалко скривилась Прасковья Михайловна, – что Терентия Львовича разбил удар, и пребывает он в бессознательном состоянии. Доктор говорит, что следует уповать на Господа...

И плечи её затряслись, слёзы покатались по серым щекам.

На мгновение мне даже стало её жалко, но тут же я подумал, что случись, к примеру, господину Уточкину проиграть секунд-майору всё своё состояние – и Прасковья Михайловна была бы столь же тверда, как я сейчас. Таковы люди – вызывают к милосердию, будучи сами неумолимы, просят пощады, сами не будучи расположены никого щадить, источают свои слёзы, до того вызывая чужие.

– Закон говорит, что в случае смерти или недееспособности должника обязательства по распоряжению его имуществом и выплате причитающихся

долгов переходят к его наследникам, – сухо произнёс господин Мураведов. – То есть именно вы, Прасковья Михайловна, должны выдать мне упомянутую ранее сумму. Под расписку, в присутствии нотариуса и свидетелей.

– Да где ж мне такие деньжищи взять? – снова ударилась она в слёзы. – Мы с Терентием Львовичем люди бедные, на чёрный день ничего, почитай, и не отложено.

– Это меня не волнует, что и на какой день у вас отложено, – заявил я. – Мой патрон требует, чтобы упомянутая сумма была уплачена не позднее первого дня мая сего года. После чего он обратится в суд о взыскании. Что же касемо вашей бедности, то когда Терентий Львович в карты с господином Уточкиным играл, было же ему что ставить. Два имения, Белый Ключ и Сосновка, городской дом, пять лошадей, пятьдесят три души крепостных людей... и это помимо домашней обстановки. Фамильные драгоценности опять же...

– Карточные долги не считаются! – собравшись с духом, выпалила Прасковья Михайловна.

– Не считаются, – кивнул господин Мураведов. – Только разве в сих бумагах сказано хоть слово о карточной игре? Согласно документам, господин Уточкин дал в долг господину Скудельникову многократно упоминаемую между нами сумму денег. Зачем они, деньги эти, господину Скудельникову понадобились, бумага не сообщает. Равно и о том, из каких таких соображений господин Уточкин решил дать ему в долг. Точно так же согласно бумагам, господин Уточкин, взяв в долг деньги графа Розмыслова, расплатился с ним обязательством вашего супруга. Вновь ни слова про карты. Уж не знаю, что между господином Уточкиным и графом Аркадием было, с чего один другому оказался должен... тут можно строить догадки, но никакой суд во внимание оные не примет, ибо не подтверждены они бумагами.

– Но все ж видели в трактире, как они в карты играли! Все ж видели! – бросилась в атаку Прасковья Михайловна. – Найдутся свидетели!

Дави! – прошелестел в мозгу бесцветный голос дядюшки. – Дави и пугай, как условлено.

– Не согласны? Обращайтесь в губернский суд. Только учтите, что должник либо лицо, на которое переходит долг, при отказе от уплаты или при невозможности оной могут быть заключены под стражу, а имущество их оценено следствием и взято в казну... из казны же будут сделаны выплаты заимодавцам... Объясняя же по-простому, замечу: не заплатите долг – Терентий Львович в острог сядет... если к тому моменту будет ещё пребывать на сем свете. Если же преставится – садиться в острог придётся вам, Прасковья Михайловна. А что вы там насчёт свидетелей в трактире толковали – так это чушь. Никто в вашу пользу свидетельствовать не станет, ибо никакой им в том нет корысти. И более того, свидетели, поставившие свои подписи на сей бумаге, – прихлопнул я ладонью вексель Терентия Львовича, – подтвердив ваши слова, оказались бы законопреступниками. Пойдут ли они на такую жертву ради вас?

Вот-вот, – подтвердил дядюшка. – Тут ей крыть нечем.

Ей и впрямь ничего другого не оставалось, как вновь залиться слезами. Если она надеялась растрогать этим господина Мураведова, то напрасно. Он терпеливо ждал, когда барыня успокоится.

– Что же мне делать? – прошептала она. – Где ж такие огромные деньги достать?

Всё, спеклась! – хихикнул в моём мозгу дядюшка. – Теперь малость участия подбавь.

– Срочно продавайте недвижимость и движимое имущество, – посоветовал Мураведов. – По моим прикидкам, если разумно к делу подойти, то хватит и на уплату вашего долга, и останется на скромную жизнь... не забывайте, что Терентий Львович получает пенсион, а по его смерти, ежели таковая случится, некоторый пенсион будет назначен и вам как вдове. В общем, хватит и на небольшой домик, и на то, чтобы зубы на полку не положить. Займитесь продажей имений... я в этом даже помогу, пришлю одного знакомого здешнего стряпчего, который на быстрых продажах собаку съел. Лошадей он тоже поможет продать. И объявление дайте о продаже дворовых людей... ни к чему они вам в нынешних-то обстоятельствах.

– А нельзя ли, – робко предложила Прасковья Михайловна, – чтобы в уплату долга граф Аркадий Севельевич у нас эти имения сам же и приобрёл? Также и дом.

– Нельзя! – отрезал стряпчий. – Поместий у графа и без того довольно, а ему деньги нужны. Причём срочно. Не знаю уж, какова там надобность, такими вопросами докучать графу я не смею. Потому действуйте, Прасковья Михайловна, действуйте! Шевелитесь! Через две недели я снова навещу вас и к тому времени надеюсь уже получить указанную сумму. Завтра же посетит вас стряпчий Кузьма Запискин, поможет продать имения. А покамест вынужден откланяться. Дела...

– Как, господин Мураведов?! – всплеснула руками Прасковья Михайловна. – Даже чаю не попьёте?

– Некогда мне, матушка, чаи гонять, – поднялся я. – Дела меня ждут!

И немедленно удалился.

* * *

Дел действительно было много. Во-первых, отоспаться. К Скудельниковым явился я с утра, а до того надо же ещё было в личине господина Мураведова приехать в Тверь, остановиться в гостинице. В собственном тарантасе, на собственных лошадях, с собственным кучером. Стряпчий графа Розмыслова не мог появиться неоткуда, из воздуха. Безусловно, Прасковья Михайловна начнёт собирать сведения, сплетни. О графе Розмыслове ей, конечно, вряд ли удастся что узнать, ибо в природе такового не существует, но вот стряпчий должен оставить какие-то следы. Так что пришлось нанимать номер в гостинице, накладывать личины и на лошадей (я обошёлся своими Угольком и Планетой), и на возок (его я вернул наконец на собственный двор, наняв мужиков, и обошлось мне это всего в двугривенный). А вот с кучером всё получилось забавнее. На эту роль вызвался не кто иной, как сам дядюшка.

– Не хочу я наших дозорных к сему делу привлекать, – поделился он. – Болтливый народец, ненадёжный... А брать человека – ещё хуже. Если без личины – кто-нибудь да узнает его, если в личине – то заметят разницу между личиной и поведением.

Конечно, приехав в гостиницу, пришлось мне вскоре прилюдно отослать кучера с тарантасом и лошадьми куда-то по важному делу. Чтобы далее они на людских

глазах не мелькали. В городе господин Мураведов обходился извозчиками.

Это всё «во-первых». А во-вторых, следовало заранее кое-что приготовить, пользуясь личиной стряпчего. Завязать кое-какие знакомства, съездить осмотреть место предполагаемых событий. После первого мая может оказаться поздно. Дела не то чтобы трудные, но занимающие немало времени. Не представляю, как бы я справился без артефакта «сороход» – сплетённого из бересты лапотка размером с мизинец. Полезная штучка. Не Врата, конечно – те можно настроить на мгновенное перемещение в любое место земного шара, – но тоже неплохо. Путь в сорок с лишним вёрст занял у меня около получаса. Причём ведь не мчался я с огромной скоростью, точно арабский жеребец. Нет, шёл пешочком, обычным своим шагом... просто расстояние до цели необъяснимым образом сокращалось. Если бы кто меня заметил, то увидел бы человека, идущего с обычной скоростью. Хотя никто меня не замечал: для верности я употребил ещё и Круг Невнимания.

В-третьих, накопилось немало домашних дел. С Тимошкой я уже три дня как расстался.

– Не надобен ты мне, пропойца, – заявил я, отыскав его в конюшне, где он лениво подметал пол. – Отправляйся в Чернополье, вот письмо управляющему. Он уж определит тебя на какую потребную работу или же отпустит на оброк. А здесь от тебя толку нет.

Слова мои произвели на Тимошку сильное впечатление. Он бухнулся на колени, начал цепляться за мои сапоги, клясться в преданности и почтении, обещал никогда более не употребить ни капли вина... даже в праздники. Но я был неумолим. Пусть радуется хотя бы тому, что я не стал его сечь за пропитую упряжь. Толку-то? Пропавшего этим не вернёшь, а вразумление за провинность имеет смысл, только если человек продолжает тебе служить. В Чернополье пусть управляющий поступает с ним как знает.

И пришлось Тимошке, уложив свои нехитрые пожитки в заплечный мешок, навсегда распрощаться со мной. В дорогу дал я ему рубль медными деньгами – на прокорм, и записку для полиции, если вдруг случится какая неприятность. Деньги, вполне возможно, пропьёт – но меня это уже не волновало.

А без Тимошки пришлось мне самому за конями ходить, дрова колоть, печь топить. Для мытья полов и готовки нанял я одну бабу с нашей улицы... вдова, четверо детишек, каждая лишняя копейка ей – спасение. Но баба – это временно. До первых дней мая.

Глава 12

Сам не пойму, что выгнало меня посреди ночи на мрачные тверские улицы. Да уж, не столица. Там, впрочем, фонари горят только на Невском и в ближайших окрестностях, остальные же улицы тонут во тьме. Но тьма тьме рознь. Не в белых ночах дело – до них в середине апреля ещё далеко. Здесь, в Твери, какая-то особо плотная темнота... кажется, будто идёшь по дну чернильного озера. Ни луны, ни звёзд – небо заволочли плотные тучи... к утру, должно быть, разродятся ливнем.

Там, позади, остался новый мой дом... пустой и душный, и сон... вернее, клочья сна. О чём он был, вспомнить не удавалось, но такая давила тоска... так противно было оставаться под верблюжьим одеялом, что встал я, оделся и пошёл со двора... проветрить голову. Там, в голове, точно муха какая-то зудела, звала... На всякий случай даже проверочное заклятье сотворил: нет, всё чисто, ничья магия меня не зацепила.

Шёл я без всякой цели, куда ноги ведут, но вели они меня от окраины к центру. Улицы постепенно делались пошире, дома поприличнее, хотя всё равно грязь и темень. Но уже не так тихо и пустынно. Ни одно окошко не светилось, но брехали дворовые псы, даже петух какой-то заполошный раньше срока прокричал – коротко, невнятно. Словом, чувствовалось, что тут живут люди.

А вскоре я их, людей, и увидел. Справа, саженьях в ста, виднелось большое чёрное строение... даже на фоне ночного неба оно выделялось. Здесь, в этих кварталах, мне доселе не приходилось бывать, но вывеска над входом сомнений не оставляла: кабак. Видно, не так давно закрывшийся, потому что две чёрные тени впереди явно тащились оттуда. Приглядевшись, заметил я между ними и третью, поменьше.

Послышались и звуки. Мужской хохот... мне он показался липким, точно дёготь... всплеск пощёчины... тонкий, отчаянный женский крик, треск рвущейся ткани.

В два прыжка подобрался я к теням вплотную. К огромному моему сожалению, упыря здесь не обнаружилось. Зато, к огромному счастью, обнаружился недавний обидчик мой Архип с каким-то приземистым, до глаз обросшим щетиной мужиком невнятного возраста.

Всё было понятно. Невысокая, закутанная в платок женская фигурка прижата к забору. Щетинистый держит ей руки, Архип же, матюгаясь, рвёт на ней одежду.

Вообще-то можно было удалиться. Что мне до человеческих дел? Меня исключительно упырь волнует, за ним я в дозор и послан. А с другой стороны, как же вот так расстаться с Архипом? Пожалуй, сам Сумрак мне его послал.

– А приятной ночи вам, судари мои, – возгласил я и, обхватив парней за плечи, что есть сил толкнул их лбами. Глухой, вязкий получился звук – точно обухом топора по сырой дубовой колоде.

Щетинистый икнул и плавно осел на землю. А вот Архип не растерялся. Резко присел, крутанул, и в руке его возник нож. Неприятный клинок – узкий, с поларшина длиной, чуть загнутый. И судя по ухватке, Архипу не раз уже случалось применять его в деле. Вряд ли парень как следует мог меня разглядеть – плотная тьма скрывала очертания лица, но фигура скорее всего выделялась на фоне неба. А кроме того, Архип узнал голос.

– А, вот ты где, недоеденный! – вскричал он чуть ли не с восторгом. – Ну, сейчас доделаем за мишку!

И бросился на меня. Что ж, сам напросился.

Найдя свою тень – темнота сему не помеха! – я скользнул в Сумрак и вынырнул оттуда как раз у Архипа за спиной. Обхватил его подбородок правой ладонью, левое предплечье положил на шею, пользуясь им как опорой, резко рванул... Вот игодились давние уроки дядьки Максима, что учил нас в Корпусе рукопашному бою. Сам из рода албазинских казаков, в юности сбежавший в Россию из Поднебесной, он многое перенял у тамошних маньчжуров и хитрую их методу прививал нам, кадетам. Не всем нравились его уроки – неблагородно сие

казалось, то ли дело холодная сталь да горячий свинец! – но я у него был одним из лучших.

Держать Архипа более не требовалось – внутри у него что-то треснуло, будто раскололось вдоль волокон полено, и он обмяк, повалился в грязь. Бесплезная душа его сейчас, должно быть, выбралась из рёбер и недоуменно оглядывалась: где же те, кто препроводит её в иные, высшие сферы бытия. Ну или низшие.

Впрочем, я ничего такого не заметил. Даже сквозь Сумрак глянул – никакой души. Просто пустое тело, шесть пудов мяса, крови и костей.

Вот так, Архипушка. Не тебе поднимать руку на поручика Полинского. И уж тем более на Тёмного!

– Сзади! – слышался отчаянный крик женщины, о которой я как-то даже и подзабыл.

А меж тем, как потом уже понял я, лишь благодаря ей моя душа ещё не развеялась по слоям Сумрака. Если со всей дури тебя лупят кирпичом по затылку, то никакой череп не выдержит. Даже череп Иного.

Обернулся я в самый последний миг, успев присесть на левую ногу и, крутанувшись на ней, врезать правой щетинистому в бок. Поймал за воротник падающую тушу, без особых затей вlepил кулаком в лицо, сминая нос внутрь. И аккуратно опустил в грязь, рядышком с Архипом.

– Благодарю, сударыня, – соблюдая все приличия, отвесил я даме галантный поклон. – Надеюсь, злодеи не успели нанести вам вред?

– Вы... вы убили их? – пискнула она, и я тут же понял, что это совсем молодая девушка. Видно, старушечий платок сбил меня с толку.

– Это вряд ли, – пришлось её утешить. – Полежат-полежат и очухаются.

Знать правду ей сейчас совершенно ни к чему. Ещё визжать начнёт, людей перебудит, сбегутся... и объясняйся потом. Судьба же горазда на иронию: когда разбойники совершали насилие, никто и не почесался выглянуть, но стоит

благородному рыцарю спасти юную деву – непременно выползут и предположат самое что ни на есть гнусное.

– В больницу бы их... – задумчиво протянула девушка.

– Ни к чему, – возразил я всё тем же галантным тоном. – Таким обезьянам, по всему видать, не впервой получать колотушки. Вот квартального надзирателя стоило бы известить, да где ж его сейчас, в третьем часу ночи, возьмёшь? С утра сообщу. Прошу прощения, не успел представиться. Поручик Полинский, Андрей Галактионович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vitaliy-kaplan/mast-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)